

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 07-04-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 07-04-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович — доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович — доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович — доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович — доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич – доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) – доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич – доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) – доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сценди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна — доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, вns, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shorty@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jylarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрация ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музеиных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42 zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich — Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of

Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstraße 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstätt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO

University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod

State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-

in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq. 243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov
Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture
and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab.
Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the
Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str.,
66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management
(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035,
Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031,
Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor
of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza,
99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher,
Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance,
53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

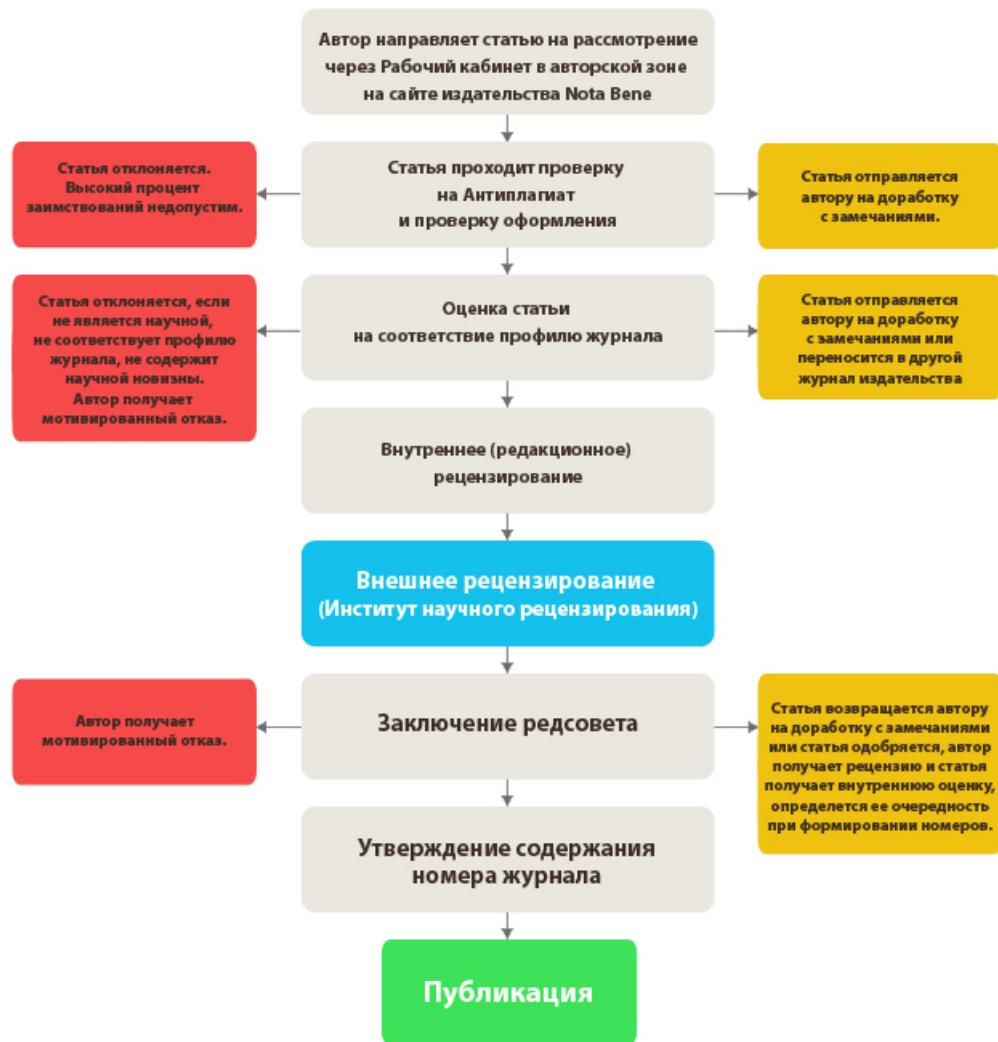
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Самарин А.С. Экспериментальный метод Г. Галилея в контексте становления понятия субъекта в философии Нового времени	1
Розин В.М. Возможно ли преодоление парадоксов современной концептуализации Вселенной?	14
Кузьмин В.Г. К вопросу о существовании абстракций	30
Грибков А.А. Творчество как имплементация представления о целостности мира	44
Зыкин А.В., Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. Православное старообрядчество в синтезе культур Забайкальского региона (к истории Духовных миссий Забайкалья)	54
Англоязычные метаданные	70

Contents

Samarin A.S. The experimental method of G. Galileo in the context of the formation of the concept of the subject in the philosophy of the Modern Times	1
Rozin V.M. Is it possible to overcome the paradoxes of the modern conceptualization of the Universe?	14
Kuzmin V. On the question of the existence of abstractions	30
Gribkov A.A. Creativity as an implementation of the idea of the integrity of the world	44
Zykin A., Aref'ev M.A., Davydenkova A.G. Orthodox Old Believers in the synthesis of cultures of the Trans-Baikal region (on the history of Spiritual Missions of Transbaikalia)	54
Metadata in english	70

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Самарин А.С. Экспериментальный метод Г. Галилея в контексте становления понятия субъекта в философии Нового времени // Философская мысль. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.3.69885 EDN: JRUTRY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69885

Экспериментальный метод Г. Галилея в контексте становления понятия субъекта в философии Нового времени

Самарин Андрей Сергеевич

старший преподаватель, кафедра философии, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а, каб. 428

✉ synthsas@gmail.com

[Статья из рубрики "Натурфилософия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.3.69885

EDN:

JRUTRY

Дата направления статьи в редакцию:

17-02-2024

Дата публикации:

20-03-2024

Аннотация: Понимание субъекта является предметом постоянного интереса в современной философии. Обращение к субъекту позволяет углублять понимание природы его активности, а также созидательного и преобразовательного отношения человека к миру. Возникновение концепции субъекта происходит в Новое время, связано с развитием научного метода. Вместе с разрешением стоящих перед гносеологией Нового времени вопросов возникает субъект-объектное отношение как специфический способ решения задачи интенсивного развития натурфилософии и математических дисциплин. В исследовании показывается взаимосвязь между методом мысленного эксперимента в концепции Г. Галилея и развитием понимания субъекта в Новое время, а также его изменением в современной философии (XX-XXI вв.). Через

рассмотрение характерных особенностей и конкретных примеров приложения метода мысленного эксперимента в исследовании демонстрируется степень влияния Г. Галилея на развитие науки и философии Нового времени. Посредством использования компаративного и аналитического метода демонстрируется взаимосвязь мысленного эксперимента Г. Галилея, понимания субъекта в философии и способов осуществления научной деятельности. Содержание понятия "субъекта" расширяется с помощью использования феноменологического метода, позволяющего уточнить границы активности субъекта и соотношение субъекта и объекта в Новое время и в современной философии. Новизна исследования заключается в постановке вопроса о взаимосвязи мысленного эксперимента Г. Галилея и методов современных экспериментальных наук. Понимание субъекта как одной из базовых категорий философии уточняется посредством анализа способов работы с субъект-объектным отношением, которые были предложены в философии Нового времени. В частности, способ работы Г. Галилея с субъект-объектным отношением предполагает учет разрыва между субъектом и объектом как особого пространства, заполняя которое посредством мысленного эксперимента, исследователь создает модель опыта, релевантную объекту исследования и доступную к совместному использованию с другими исследователями впоследствии. Создание Г. Галилеем модели опыта в процессе мысленного эксперимента обосновывается как одна из базовых методик получения нового знания в естественнонаучных дисциплинах в современной науке.

Ключевые слова:

мысленный эксперимент, понимание субъекта, субъект, объект, субъект-объектное отношение, Галилей, модель опыта, натурфилософия, современная наука, философия субъекта

Введение

Тема нашего исследования – становление концепции субъекта в философии в связи с развитием метода мысленного эксперимента Г. Галилея. Актуальность обращения к тематике субъекта в контексте открытий Г. Галилея заключается в сопряжении представления о моделях мысленного эксперимента с пониманием субъекта в современной философии. В то время, как рефлексия понимания природы эксперимента в науке привела к прогрессу в философии науки, понимание структуры активности субъекта и построение модели этой активности остаются актуальными задачами для современного знания [\[1, с. 97\]](#). Анализ процесса становления концепции субъекта в философии Нового времени через призму взглядов Г. Галилея позволит уточнить содержание понятия субъекта и углубить понимание принципов эволюции представлений о субъекте в философии.

В современной философии поддерживается стабильный интерес к проблематике субъекта. Это связано с природой активности человека в форме деятельности. Способы осуществления деятельности и реализации потенциала своей активности, которые исследуются в рамках концепции субъекта в философии, позволяют лучше понять природу конструктивного, созидающего отношения человека к миру. Условия современной философии и контекст эпохи постмодернизма как морального, эстетического и деятельного релятивизма предопределяют актуальность исследований субъекта в интересах уточнения природы его активности, самоопределения и генезиса. Невнимание к рефлексии в понимании субъекта приводит к ухудшению самоопределения

субъекта как носителя активности, осуществляющего деятельность по определенным принципам и правилам.

Обращение к философии Г. Галилея является актуальным при рассмотрении вопроса становления естественных наук в Новое время. Развитие философии Нового времени и научного метода в ней связывается с различными вариантами концепции эксперимента. Взаимосвязь понимания субъекта в современной философии с развитием научных представлений об эксперименте заключается в необходимости «верификации» активности субъекта через рефлексию последствий этой активности.

Концепция мысленного эксперимента Г. Галилея

Изучение концепции Г. Галилея необходимо начать с его эксперимента с падением тел. Падение тел в предшествующей Г. Галилею механике рассматривалось по законам физики Аристотеля, в которой постулировалась зависимость скорости падения тел от их массы. Объяснение несогласие Г. Галилея с концепцией Аристотеля, В.М. Розин пишет: [Галилей] «Свободное падение тел описывает с помощью математической модели. Когда же его оппоненты показывают, что эта модель не описывает все наблюдаемые случаи падения тел, Галилей не отказывается от своих принципов. Он предлагает учесть сопротивление среды и, главное, минимизировать его действие технически, путем создания нужных условий (идея эксперимента в отличие от опыта)» [\[2, с. 84\]](#). Тела с большей массой, таким образом, должны были падать быстрее тел с меньшей массой. Проводя эксперименты с вертикальным падением тел и не получая однозначных результатов, Г. Галилей перешёл к экспериментам с направлением тел по наклонной плоскости. Именно в этом виде экспериментов итальянский ученый зафиксировал, что ускорение падения тел является одинаковым вне зависимости от массы [\[3, с. 134\]](#), – как мы узнаем позднее, оно будет точно измерено, составит 9,8 м/с и станет одним из краеугольных камней механики И. Ньютона.

Результат экспериментов Г. Галилея с падением тел по наклонной плоскости был эмпирическим по содержанию: реальные эксперименты с использованием физических тел в совокупности представляли собой серию опытов, обобщения из которых также осуществлялись индуктивно. Ввиду недостаточной развитости измерительных приборов, которое использовал Галилей, он не получал удовлетворительных для подтверждения его гипотез результатов. Г. Галилей был вынужден сопровождать эмпирические эксперименты – моделируемыми в уме элементами эксперимента. Д.Н. Дроздова следующим образом определяет содержание мысленного эксперимента: «В ходе мысленного эксперимента мы моделируем применение некоторых принципов или понятий к конкретной, но идеализированной ситуации, показывая, какие неизбежные следствия мы должны получить из соединения нашей теории с данными условиями» [\[4, с. 44\]](#), – и отказывает мысленному эксперименту в возможности расширить наше знание об объекте исследования. С другой стороны, определение Н.В. Громыко имеет, скорее, положительный в плане приращения научного знания оттенок: «Мыслительный эксперимент у Галилея – это средство создания необходимого свободного пространства в поле уже имеющихся содержаний, где такого рода новое содержание может быть предъявлено читателю (или слушателю-ученику), а также воспринято и освоено нами» [\[5, с. 110\]](#). Мысленный эксперимент выступает инструментом имеющегося знания – в ситуации, когда истинное знание возникает из конкуренции разных позиций относительно одного и того же эмпирического факта. Структура наиболее известных сочинений Г. Галилея («Диалог о двух системах мира» и «Беседы и математические

доказательства двух новых наук») опирается на его представление о форме мысленного эксперимента как противоборства разных научных воззрений на мир [\[5, с. 112\]](#).

В «Диалоге о двух системах мира» Г. Галилей обращается к вопросу о том, является ли свет Луны собственным или отраженным, а также – является ли ее поверхность гладкой как зеркало или полной неровностей [\[6, с. 586\]](#). Аргументы в пользу того, что Луна светится отраженным светом и ее поверхность шероховата Г. Галилей усиливает приемом аналогии, сравнивающим особенности отражения света от зеркала и от окружающей его стены – в пользу того, что стена (неровная, шероховатая) отражает свет сильнее [\[7, с. 254-263\]](#). В.Г. Горохов утверждает, что Г. Галилей внес элементы технологии в натурфилософию: «Он создает новую эпистемологическую модель генерирования естественнонаучных знаний» [\[8, с. 15\]](#). Необходимо обратить внимание на то, что в исследованиях современников Г. Галилея и вплоть до конца XIX в. научные институты и способы интеграции научной деятельности не были достаточно разработаны, чтобы новации Г. Галилея масштабировались на все научное знание.

Наиболее известное научное открытие Г. Галилея заключалось в приведении новых аргументов в пользу гелиоцентрической картины мира [\[3, с. 136\]](#). Итальянский ученый пришел к новым выводам относительно принципа соотношения в пространстве орбит разных небесных тел (планет, Солнца, Луны и самой Земли), исходя не из непосредственно эмпирических наблюдений, но опираясь на фундаментальные закономерности механики движения небесных тел. Обобщающие выводы, заключающие законы движения небесных тел в пространстве, оказались при этом не соответствующими господствовавшей на момент жизни Г. Галилея Птолемеевской (геоцентрической) картине мира. Фундаментальное значение открытий Г. Галилея для последующего развития физики заключалось в том, что в случае, если использование принципа мысленного эксперимента подвергало сомнению действующую картину мира, истинность которой была незыблемой веками, то приоритет отдавался теории, которая могла иметь менее разработанный на текущий момент доказательный базис, но являлась более эффективной для генерации нового научного знания и новых открытий [\[9\]](#).

Новации Г. Галилея в разработке концепции мысленного эксперимента повлияли на развитие физики Нового времени, а в качестве формулирования мысленных экспериментов, призванных обобщить некоторый мировоззренчески важный, но не имевший места в материальном мире, опыт, – вошли и в философское знание. В.М. Розин отмечает, что Г. Галилей внес вклад в изменение представлений о природе с объективных и неизменных для человека – на инструментальные и конструктивные: «Природа у Галилея понимается уже не только в чисто естественной модальности, но и в искусственной, причем компетенция конструирования природных процессов, считает ренессансный ученый, принадлежит не только Богу, но и человеку» [\[10, с. 103\]](#). Г. Галилей смог внести существенный вклад в формирование нового представления об опыте и способе мысленного моделирования, которое впоследствии стало использоваться в натурфилософии Нового времени. Резюмируя основные достижения эпохи в целом, А.А. Кузьмин отмечает: «Сложились основные научные понятия и определения, применяемые и в настоящее время, появились технологии и методики проведения эксперимента, сформировался современный математический аппарат, общепринятым стал метод научного познания» [\[11, с. 13\]](#). Следует обратить внимание и на то, что Г. Галилей был одной из ключевых фигур начавшегося в XVII в. размежевания между философией и естественно-научными дисциплинами [\[12, с. 43\]](#).

Концепция мысленного эксперимента Г. Галилея стала важным элементом для изменений представления о субъекте. Для обретения большей предметности в разговоре о субъекте дадим предварительные определения и основы концепции субъекта в философии.

Понятие субъекта. Становление концепции субъекта в философии Нового времени

Определим субъект как индивидуального актора, деятеля, который осуществляет активность, направленную на преобразование объекта своей активности в практике, изучение объекта в процессе научного познания или постановку себя в позицию объекта и осуществление рефлексии над своим местом в окружающем мире и среди других субъектов. Объект – это вещь окружающего мира, претерпевающая последствия проявления активности субъекта. Инструменты, с помощью которых субъект преобразует или познает объект, – это методы.

Следует отметить, что в философии существуют разные ответы на вопрос: «Кто является субъектом?» Наиболее распространённый подход локализует субъекта в человеческой индивидуальности. Согласно этому подходу, субъектом является отдельный человек с присущими ему личностными особенностями, проявляющий активность относительно окружающего мира как отдельный и отличающийся от всех остальных людей уникальный субъект. Обратный подход предполагает понимание субъекта как колективной сущности. Носителем активности в таком случае является не отдельный человек, а группа людей, которые совместно представляют преобразующую силу, что познает, изменяет мир или рефлексирует свое место в нем.

В современной философии существуют концепции бессубъектной активности, в рамках которой преобразование мира связано не с людьми, а с их отношениями и взаимосвязями. В бессубъектном подходе преобразовательная активность отделяется от человека как субъекта и становится довлеющей над человеком и социумом. Образно говоря, в рамках бессубъектной модели понимания преобразовательной активности, нельзя сказать «я делаю нечто», но корректным будет являться высказывание: «нечто делается».

В философии Нового времени субъект начинает пониматься как причина осуществления активности. Прежде всего, понимание активности субъекта коренилось в области познания. «С одной стороны, в получении знаний большую роль играли индивиды (ученые), с другой – технология получения естественно-научных знаний выглядела деиндивидуальной, определяемой только используемыми средствами (математика, доказательства, эксперимент)» [\[2, с. 78\]](#), – отмечает В.М. Розин относительно природы субъекта в философии Нового времени. Гносеологическая направленность философии Нового времени делала необходимым уделять особое внимание исследованию окружающего мира, обновлению нашего представления о мире в разных областях научного знания.

Новацией натурфилософии Нового времени является представление о субъекте как выделенном из окружающего мира и противопоставленном тому, что он исследует, пытается познать: так происходило формирование субъект-объектного отношения. Несмотря на критику концепций бинаризма, в частности, субъект-объектного отношения, в условиях релятивизма современной философии [\[13, с. 49\]](#), необходимо отметить существенный вклад представлений о противопоставлении субъекта объекту в совершенствование гносеологической парадигмы натурфилософии Нового времени.

Наиболее обсуждаемыми и анализируемыми проблемами понимания субъекта в

современной философии являются две: проблема преодоления разрыва между субъектом и объектом и проблема постоянства субъекта. Первая проблема заключается в том, что субъект-объектное отношение является неравноправным: активность субъекта тем более велика, чем менее возможно сопротивление объекта. В рамках отношения субъект является максимально активным, в то время как объект выступает максимально пассивным. Это создает вероятность представления об окружающем мире как статичном, неизменном, что порождает такое же статичное, идеализированное, утопичное видение мира, являющегося полностью объектом, то есть неизменным, статичным, пассивным. Подобное видение объекта не соответствует увеличивает вероятность накопления исследовательских ошибок от первоначального разделения, заключающегося в абсолютной активности субъекта и абсолютной пассивности объекта.

Вторая проблема заключается в том, что в философии Нового времени (особенно у И. Канта с его концепцией трансцендентального субъекта) было укоренено представление о субъекте как неизменном во времени и пространстве – некой идеальной сущности, которая не претерпевает никаких изменений при взаимодействии с окружающим миром. Доведение до предела тенденции в понимании субъекта как неизменной и абсолютно стабильной сущности приводит к тому, что этот субъект становится подобен идее в философии Платона – абсолютной сущности, отделенной от «мира вещей» и никак не влияющей на положение дел, но лишь являющейся родом и причиной активности. Проблема понимания постоянства субъекта ставит под сомнение возможность преобразования мира (объекта) путем приложения активности субъекта. Будучи взаимосвязанными, первая и вторая проблемы философии субъекта в то же время исключают друг друга: конфигурация взаимодействия субъекта и объекта «останавливает» объект, а неизменный и постоянный субъект «останавливается» сам.

Вклад Г. Галилея в становление понимания субъекта

Способы разрешения проблем в понимании субъекта могут быть найдены при обращении к концепции Г. Галилея. Ознакомиться с его способом работы с субъект-объектным отношением и проблемой постоянства субъекта мы можем через призму мысленного эксперимента. Предлагая свои решения затруднений механики и физики, Г. Галилей использовал прием интерполяции, которая представляла собой нахождение промежуточных значений среди уже имеющегося объема данных. Оперируя уже имеющимся объемом научных данных и не расширяя его (не добавляя гипотез), Г. Галилей получал новое знание с помощью повышения самосогласованности уже имеющегося знания через нахождение промежуточных звеньев исследовательской цепи – «руководствовался принципом непрерывности», как отмечал, вслед за Г.В. Лейбницем, особенность этого метода Э. Мах [\[14, с.116\]](#).

Концепция Г. Галилея оказала влияние на становление философии Рене Декарта – разработка в философии французского мыслителя представления о субстанции мыслящей (субъект) и субстанции протяженной (объект) испытала на себе влияние взглядов итальянского инженера и учёного. Несмотря на то, что общее направление исследовательского интереса Г. Галилея лежало в области механики, физики, астрономии и оптики, а Р. Декарт занимался вопросами математического знания и метафизикой, сходство их взглядов заключалось в использовании математического метода для проверки эмпирических данных, хотя и разными способами: Г. Галилей использовал мысленный эксперимент, а Р. Декарт приспособил для нужд научного знания созданный им алгебраический и аксиоматический метод.

Существенное значение имеет взаимодействие взглядов Г. Галилея на субъект и

взглядов еще одного из ключевых мыслителей Нового времени – Фрэнсиса Бэкона. Будучи методологом зарождающегося эмпирического научного знания, Ф. Бэкон понимал субъект как пассивного наблюдателя и интерпретатора, который работал в рамках анализа и пересборки эмпирических фактов. Посвятив основные труды разработке методов научного мышления, Ф. Бэкон предписывал субъекту быть строго связанным с объектом и давать правильное толкование фактуальным данным, которые получали учёные, получавшие, таким образом, достоверные знания через методологически корректное использование индуктивного метода.

На контрасте с взглядами Ф. Бэкона можно еще более отчетливо выделить характерные особенности понимания субъекта у Г. Галилея. Если представления Ф. Бэкона легли в основу способа получения научного знания в Новое время, то взгляд на способ осуществления научного эксперимента и роль субъекта в научной деятельности у Г. Галилея стал актуальным только в XX веке. Если в эпистемологии Ф. Бэкона предполагалось, что субъект участвует в процессе познания как интерпретатор, то в концепции Г. Галилея субъект активно создает условия получения новых знаний и обладает собственной активностью.

Способы получения научного знания, которые предлагал Г. Галилей, не были достаточно распространены в Новое время, но стали актуальны в современной экспериментальной науке и впоследствии были осмыслены в социологии науки [\[15, с. 149\]](#). Итальянский ученый сталкивался с проблемой повышения объективности полученных данных; если он применял метод мысленного эксперимента, то возникали вопросы относительно возможной «предвзятости» исследователя относительно итогов эксперимента. Г. Галилей преодолевал проблему путем совершенствования модели объекта, участвующего в мысленном эксперименте. Последовательное усложнение объекта познавательного процесса в рамках проведения мысленного эксперимента через процедуру абстрагирования позволило достичь большей объективности через исключение влияющих на объект исследования факторов.

Понимание субъекта и структура научной деятельности

Повторим наш тезис о том, что взгляды Г. Галилея на природу научного эксперимента больше соответствовали работе научных коллективов XX в., чем индивидуальных исследователей раннего Нового времени. Мысленный эксперимент Г. Галилея предлагал работать не с объектом как конкретной физической единицей и посредством поступательного накопления эмпирических данных уточнять наше знание об объекте, а создавать мысленную модель объекта и через работу с ней – делать моделью и сам процесс научного познания, становящийся более интерсубъективным, доступным к трансляции от одного исследователя другому. П.П. Гайденко пишет: «Когда мы говорим, что с XVII века естествознание становится математическим, то подразумеваем прежде всего то обстоятельство, что важнейшая наука о природе – механика – с этих пор конструирует свой предмет наподобие того, как конструировала свой предмет геометрия» [\[16, с. 250\]](#). Немаловажную роль в изменении модели опыта в механике играет мысленный эксперимент Г. Галилея. В силу большей интерсубъективности результатов научного исследования, которые позволял достичь метод Г. Галилея, его способ осуществления научной деятельности подходил для эпохи становления и развития научных коллективов, когда всё большую роль начала играть совместная деятельность большого количества исследователей, объединенных в группы.

Принципиальное значение для рассмотрения Г. Галилея в контексте современного научного знания имеет обращение к пониманию субъекта. В концепции Г. Галилея

разрыв между субъектом и объектом не является непреодолимым. Проведение мысленного эксперимента позволяет заполнить разрыв между субъектом и объектом результатами познавательного акта. Заполнение разрыва является залогом возможности конструирования идеальной модели опыта или предмета исследования и возможности будущего оперирования этой моделью.

Представив влияние Г. Галилея на понимание субъекта и современные научные исследования, обратимся к теме о роли субъекта в современной науке. Критика бинаризма и размытие позиции субъекта в целом в современной философии не коррелируют напрямую с ситуацией в научном знании: мы не можем сказать, что исследования в области философии и методологии науки фиксируют некий кризис в понимании субъекта. С другой стороны, кризис субъекта в науке приобретает форму непрозрачности действий субъекта, его активности в рамках научного знания, для стороннего наблюдателя.

Изменение понимания субъекта познания в современной философии науки связано с появлением представления о принципиальной неустранимости наблюдателя из процесса проведения эксперимента. Если объект не может не испытывать на себе влияния субъекта, его установок и характерных особенностей, то понимание субъект-объектного отношения начало требовать пересмотра. Конкретная реальность действий, активности субъекта, определила рефлексию этого процесса: размытие субъект-объектного отношения проявило себя в изменении структуры научных коллективов, роли и места научного исследователя в созидании науки.

Существуют различные точки зрения, как можно избежать избыточного влияния субъекта на объект научного исследования. Тенденция к объективированию процесса познания нивелирует влияние субъекта на процесс научного исследования и происходит из проекта организации наук Ф. Бэкона. Теория «идолов познания» Ф. Бэкона была разработана как метод уменьшения влияния субъекта на научное познание. Ярким примером объективирования процесса познания является марксизм. В социальной теории К. Маркса и его взгляде на развитие общества был фактически нивелирован субъективный фактор: объективные законы развития общества управляли народными массами безотносительно чаяний и желаний отдельного человека.

Подход, предполагающий признание влияния субъекта на объект исследования и его ход, может быть назван понимающим или интерпретативным. Учитывая неотъемлемость влияния субъекта, перед нами встаёт задача учитывать и понимать, в чем именно оно заключается. Второй подход проистекает из видения субъекта в философии Р. Декарта и его «*cogito, ergo sum*», который диктует объекту исследования быть для объекта самоочевидной виртуальностью.

Третий подход мы можем обозначить как феноменологический, или рефлексивный. Согласно рефлексивному подходу, субъект влияет на объект (на ход эксперимента или процесса научного познания) и знает о своем влиянии, учитывает его и имеет в виду при трактовке результатов исследования. В рамках рефлексивного подхода к научному исследованию мы видим, что субъект научного познания располагается по отношению к объекту не как вторая сторона отношения, а оказывается посередине между индивидуальным опытом индивида и интерсубъективностью идеальной модели опыта.

Как можно заметить, третий подход связан с концепцией Г. Галилея и принимает во внимание, что активность субъекта должна располагаться не в самом субъекте, а в пространстве между субъектом и объектом: субъект, выходя из себя, выступает

медиатором создания средней зоны между миром индивидуального исследователя и миром не-индивидуального объекта исследования. Именно такая задача ставилась перед мысленным экспериментом – сделать результаты этого эксперимента и использование метода в целом – выходящим за рамки пределов активности одного человека, институциализировать его через создание научных моделей. Именно такой подход ученые используют в современных естественнонаучных дисциплинах.

Выводы

Принципиальной чертой научного познания стал инструмент абстракции, выделения объекта из всей суммы отношений. В науке Нового времени основным методом производства научных абстракций был метод неполной индукции, опиравшийся на методологию Ф. Бэкона. В то же время при становлении современной науки в начале XX в. востребованным в среде ученых оказался метод мысленного эксперимента Г. Галилея, который позволял осуществлять конструирование нового знания путем создания идеальной модели опыта.

Вслед за изменениями в структуре научного знания последовало и переосмысление субъекта, его места в процессе познания и деятельности. На смену субъект-объектному отношению, предполагающему активность субъекта и пассивность объекта пришли различные концепции, ставившие под сомнение однозначность связи между субъектом и объектом.

Проблема разрыва между субъектом и объектом в философии разрешалась Г. Галилеем путем совершенствования метода мысленного эксперимента, результаты которого в форме моделей опыта становились средним звеном между субъектом и объектом в структуре научного познания и философского понимания субъекта.

В то время, как наука Нового времени являлась в большей степени сферой деятельности индивидуальных исследователей, современная наука опирается на деятельность научных коллективов. Для отражения и методологического обобщения способа деятельности ученых Нового времени больше подходил эмпирический метод Ф. Бэкона. Деятельность современных ученых в рамках работы научных коллективов более объективно описывается с применением методических наработок Г. Галилея.

В контексте нашего исследования вызывает интерес вопрос о динамике перехода от одной научной парадигмы к другой. Анализ причин трансформации научного знания может пролить свет на способы трансляции интеллектуального продукта в европейской культуре и формах рецепции этого продукта конкретными исследователями. Этот вопрос выходит за пределы нашего исследования, но затрагивает существенный аспект философии науки, который заключается в становлении науки как социального института и непосредственной производительной силы в современном обществе, что может послужить объектом для будущих исследований.

Библиография

1. Лебедев С.А. Современная наука как многомерная когнитивно-социальная структура // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. №2. С. 92-107.
2. Розин В.М. От принципа объективности научного знания к реконструкции разных ситуаций производства знаний // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. №3-1. С. 75-92.
3. Серебрякова С.С. Галилео Галилей: истина сквозь линзы телескопа (к 450-летию со дня рождения ученого и 405-летию начала эры телескопической астрономии) //

- Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2014. №3 (56). С. 132-140.
4. Дроздова Д.Н. Мысленный эксперимент *more geometrico* // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. №3. С. 43-47.
 5. Громыко Н.Г. Прорывное знание: мыслительный эксперимент Галилео Галилея против власти инквизиции // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2010. №1 (44). С. 109-122.
 6. Piccolino M., Wade NJ. Galileo Galilei's vision of the senses. Trends in neurosciences. 2008. Vol. 31. No. 11. Pp. 585-590.
 7. Галилей, Галилео. Диалог о двух главнейших системах мира / Г. Галилей; [пер. с итал. А.И. Долгова; вступ. ст. д.х.н. И.С. Дмитриева; примеч. А.И. Долгова, Ю.Г. Переля, И.Б. Погребысского]. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 918 с.: ил.: табл. – (PHILO-SOPHIA).
 8. Горохов В.Г. Баллистика Никколо Тартальи, технонаука Галилея и нанотехнонаука: аристотелевская физика сквозь века // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. №1. С. 7-35.
 9. Stromholm P. I. Galileo and the Scientific Revolution. Inquiry. An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 1975. Vol. 18. Issue 3. Pp. 345-353.
 10. Розин В.М. Уточнение понятия «объект» в дискурсе современного научного познания // Философия науки и техники. 2022. Т. 27. №1. С. 99-110.
 11. Кузьмин А.А. Эволюция научной мысли XVII века // Фундаментальные основы механики. 2022. №10. С. 6-13.
 12. Черняков А.А. Действительное и мнимое в отношениях точных и неточных наук: становление физики XVII в. под влиянием античной философии // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2020. №1 (7). С. 42-28.
 13. Гавришина Т.Л. Бинаризм как доминанта классической парадигмы рациональности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №12-3 (26). С. 49-53.
 14. Max. Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития. Ижевск: РХД, 2000. 456 с.
 15. Розин В.М. Как можно помыслить исследования в философии и физике // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. №1-1. С. 139-153.
 16. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена связи естественнонаучных изысканий и философско-методологических установок Галилея, а также влиянию его разработок на становление учения об активном познающем и действующем субъекте в философии Нового времени. Тема статьи обладает несомненной актуальностью. Галилей – одна из ключевых фигур в истории становления не только науки, но и философии Нового времени, и попытку вернуться к рассмотрению его научной практики и её философско-методологическому

осмыслению можно только приветствовать. Особенностью статьи и главной заслугой её автора можно считать стремление строить рассуждения на основании тщательного рассмотрения реальной экспериментальной практики великого учёного. Знакомство со статьёй не оставляет сомнений в том, что она с интересом будет встречена многими читателями. Однако до публикации статьи хотелось бы порекомендовать автору исправить некоторые ошибки и погрешности. Прежде всего, хотелось бы предложить внести изменения в название статьи, которое в его сегодняшнем виде представляется не вполне удачным. Оно могло бы выглядеть, например, следующим образом: «Значение экспериментального метода Галилея для становления понятия субъекта в философии Нового времени». Далее, один из подзаголовков («Проблема субъекта в философии: история и современность») также должен быть изменён, это излишне широкая формулировка, выходящая за границы темы статьи, да и часть материала этого раздела также может быть снята без ущерба для целого. Автор несколько раз использует выражение «субъект-объектная дилемма», это недоразумение, «дилеммическое деление» (кратко – «дилемма») – название вполне определённой процедуры в формальной логике, в данном же случае следует говорить о «субъект-объектном отношении». Ещё одна явная ошибка – приписывание «принципа непрерывности» Маху, тогда как в действительности впервые его сформулировал и дал ему это имя Лейбниц. Наконец, явно неудовлетворительным, исключительно формальным, представляется заключение, его следует написать заново. Много в тексте неумелых стилистических конструкций: «через обращение к воззрениям одного из ... мы планируем углубить наше понимание»; «несмотря на то, что мы согласны с данным высказыванием, все же должны обратить внимание, что...»; «наиболее известное и противоречивое относительно его репутации в научных и общественных кругах открытие Г. Галилея...»; «подводя итоги и связывая разные элементы нашего исследования между собой, отметим, что Г. Галилей, вводя свою методологию научного эксперимента, создал модель опыта, потребную для...», – два деепричастных оборота с однородными членами, к тому же ещё и совершенно неакадемическое «потребную для»! Разумеется, не все подобного рода фрагменты здесь указаны, текст нуждается в существенной стилистической правке. Библиографический список мог бы быть обогащён зарубежными публикациями. Подводя итоги, следует констатировать, что представленная статья имеет хорошие перспективы публикации, но она всё же должна быть доработана в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Экспериментальный метод Г. Галилея в контексте становления понятия субъекта в философии Нового времени» предмет исследования – становление концепции субъекта в философии в связи с развитием метода мысленного эксперимента Г. Галилея. Цель исследования в явном виде не заявлена.

Теоретико-методологические основы исследования в явном виде не обозначены. В качестве методов исследования используется анализ в основном произведений российских философов, писавших на тему развития науки и научных методов.

В целом, актуальность изучения темы субъекта в контексте открытий Г. Галилея заключается в том, что она объединяет представления о моделях мысленного эксперимента с современным пониманием субъекта в философии. А активность субъекта, построение модели этой активности, остаются актуальными для современного научного

познания. Согласимся с автором (ами), что анализ процесса формирования концепции субъекта в философии Нового времени через призму взглядов Г. Галилея позволит уточнить содержание понятия субъекта и глубже понять принципы эволюции представлений о субъекте в философии.

Научная новизна публикации связана с обоснованием позиции о востребованности в среде учёных метода мысленного эксперимента Г. Галилея, который позволял осуществлять конструирование нового знания путем создания идеальной модели опыта. Но, и это справедливо обосновывается в статье, изменившаяся структура научного знания привела к переосмыслению роли и места субъекта в процессе научного познания, а традиционное субъект-объектное отношение стало сменяться различным концепциям, которые выражают сомнения в однозначной связи между субъектом и объектом. Это позволяет заключить, что метод мысленного эксперимента Г. Галилея сыграл значимую роль в становление концепции субъекта в философии.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью, которая задаётся последовательным описанием: 1) концепции мысленного эксперимента Г. Галилея; 2) процесса становления концепции субъекта в философии Нового времени; 3) вклада Г. Галилея в становление понимания субъекта; 4) роли субъекта в структуре научной деятельности. Статья будет представлять интерес для специалистов в области гносеологии и философии науки, а также лиц, интересующихся проблематикой этих разделов. Но хотелось бы обратить внимание на некорректность использования термина интеллектуальный эксперимент (вместо понятия «мысленный эксперимент» как вида познавательной деятельности, в которой ключевая для той или иной научной теории ситуация разыгрывается не в реальном эксперименте, а в воображении). Термин интеллектуальный эксперимент в науке и философии не применяется синонимично с термином мысленный эксперимент (ни один философский словарь не даёт определение этого термина)..

Библиография работы включает 16 публикаций и состоит в основном из произведений российских философов, писавших на тему развития науки и научных методов. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере. В работе имеется пропущенная ссылка: «Падение тел в предшествующей Г. Галилею механике рассматривалось по законам физики Аристотеля, в которой постулировалась зависимость скорости падения тел от их массы []».

Вывод: Статья «Экспериментальный метод Г. Галилея в контексте становления понятия субъекта в философии Нового времени» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована после или отказа от употребление термина «интеллектуальный эксперимент», или доказательства его синимичности устоявшему термину мысленный эксперимент.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Экспериментальный метод Галилея в контексте становления понятия субъекта в философии Нового времени» выступает научно-философское творчество Г. Галилея. Автор рассматривает Галилея одновременно как ученого физика и астронома, и теоретика научного познания. Обращаясь к разработке Галилеем метода мыслительного эксперимента, автор статьи показывает какое значение он имеет для становление понятия «субъекта» как активного участника научного познания.

Методология исследования сочетает методы исторического анализа, позволяющие оценить идеи Г. Галилея в контексте его времени и сравнительного анализа, включающего экстраполяцию идей автора на современность, показывающего актуальность рассматриваемой проблемы.

Актуальность исследования становление концепции субъекта в философии в связи с развитием метода мысленного эксперимента, автор связывает с сопряжением представления о моделях мысленного эксперимента с пониманием субъекта в современной философии. Можно добавить, что изменение понимания субъекта познания в современной философии науки, связанное с появлением представления о принципиальной неустранимости наблюдателя из процесса проведения эксперимента, делает идеи Галилея востребованными современными теоретиками науки.

Научная новизна статьи заключается в демонстрации взаимосвязи размышлений Г. Галилея в области науки, теории познания и трактовке субъекта в новоевропейской философии.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. В основной части статьи автор выделяет четыре раздела, в которых последовательно анализирует саму концепцию мысленного эксперимента Галилея, затем становление концепции субъекта в философии Нового времени, вклад Галилея в становление понимания субъекта, и, наконец, понимание субъекта и структуры научной деятельности. Во втором разделе работы, автор рассматривает коррелированность идей Галилея с размышлениями о субъекте познания Г.В. Лейбница, Р. Декарта, Ф. Бэкона.

Важным для формирования новоевропейского понимания субъекта, по мнению автора является то, что активность субъекта мыслится как расположенная не в самом субъекте, а в пространстве между субъектом и объектом. Эта идея впервые встречается в концепции Галилея, который проводя мысленный эксперимент, заполняет разрыв между субъектом и объектом результатами познавательного акта.

Библиография статьи включает 16 наименований работ, что вполне репрезентативно характеризует исследуемую тему.

Апелляция к оппонентам присутствует в достаточной мере и свидетельствует о хорошем знакомстве автора работы с существующими исследованиями творчества Г. Галилея. Автор цитирует исследования В.М. Розина, Д.Н. Дроздова, Н.В. Громыко, П.П. Гайденко, в которых происходит осмысление значимости идей Г. Галилея в разработке концепции мыслительного эксперимента.

Статья написана простым, ясным языком, благодаря чему будет доступна как философам, так и неспециалистам. Она будет полезна молодым исследователям, обращающимся к разработке методологии собственных исследований и историкам философии и философии науки.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Возможно ли преодоление парадоксов современной концептуализации Вселенной? // Философская мысль. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.3.69708 EDN: OQGBDZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69708

Возможно ли преодоление парадоксов современной концептуализации Вселенной?

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник, Институт философии, Российской академия наук

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.3.69708

EDN:

OQGBDZ

Дата направления статьи в редакцию:

30-01-2024

Дата публикации:

29-03-2024

Аннотация: В статье осмысляется естественнонаучный подход к истолкованию Вселенной. При этом автор опирается на материал исследований Вселенной и галактик, проведенных отечественным философом Вадимом Казютинским, который показывает, что естественнонаучные исследования Вселенной парадоксальны и больше напоминают гуманитарный дискурс. Оценка этих исследований Ханны Арендт не менее парадоксальная, она утверждает, что естественнонаучный подход привел к тому, что Вселенная недоступна на практике и даже немыслима. В свою очередь автор утверждает, что космология должна быть отнесена к научной дисциплине гуманитарного типа, что не исключает наличие в ней различных физических и других естественнонаучных дисциплин. Объект космологии (аналогично объектам биологии, культурологии, социологии) не может быть описан в одной научной дисциплине, он

является многоуровневым, причем на каждом уровне действуют свои закономерности, которые должны быть описаны разными космологическими теориями. Реализуя эту методологию, автор предлагает схему трех последовательных земных Вселенных – «космической» (физической), «витальной» (биологической) и «социальной». В рамках последней появился человек и сложилась культура. Каждая следующая земная Вселенная включала в себя предыдущую, как свою составляющую или субстрат. Предлагается другое понимание Вселенной, основанных на следующих положениях: человек должен заново установиться в своем понимании Вселенной, признать ее присутствие (обусловленность) в своих действиях; согласиться с тем, что развитие социальной Вселенной приобрело катастрофический характер; начать продумывать сложившуюся социальность, чтобы понять, что нужно изменить. По мнению автора Вселенная напоминает матрешку, включающую космическую, физическую, биологическую, социальную и ноосферную Вселенные (последняя только начинает складываться). При этом в социальной Вселенной идут два разнонаправленных процесса: один работает на человека и культуру, другой процесс в силу разноприродной направленности, имеющей место во всех Вселенных, по сути, действует против человека и культуры. Двумя важными особенностями ноосферной Вселенной должны будут выступать установка на спасение и реальные изменения, направленные на реализацию этой установки.

Ключевые слова:

Вселенная, реальность, природа, концептуализация, осмысление, понимание, мифология, наука, подход, методология

Введение

В «Метафизике» Аристотель приводит, с нашей ретроспективной точки зрения одну из первых концептуализаций Вселенной, под которой в античности понимались Космос и Небо с планетами и звездами. «Существует что-то, что вечно движется безостановочным движением... Но движет так предмет желания и предмет мысли: они движут, сами не находясь в движении<...> При этом разум, в силу причастности своей к предмету мысли, мыслит самого себя: он становится мыслимым, соприкасаясь со своим предметом и мысля его, так что одно и то же есть разум и то, что мыслится им. <...> И жизнь без сомнения присуща ему: ибо деятельность разума есть жизнь<...> и деятельность его, как она есть сама по себе, есть самая лучшая и вечная жизнь» [\[3, с. 211\]](#).

Такая Вселенная представляла собой реальность, не просто понятную человеку, но во многом идеальную. Идеальный момент Вселенной сохраняется в истории европейской культуры очень долго, виден еще у Канта. «Две вещи, – пишет Кант, – наполняют душу всегда новым тем более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [\[7, с. 729\]](#)

Победное шествие естествознания в первой половине XX столетия вытравили из понимания Вселенной все идеальные моменты и превратило звездное небо в мало понятный, отчасти бессмысленный процесс, концептуализируемый в теориях «Расширяющейся Вселенной», «Горячей Вселенной» или «Большого взрыва». С какой стати кроме желания реализовать математические уравнения и физические законы, астрофизики выстроили следующую картину: вся Вселенная сначала была ската до

сверхплотной и сверхгорячей микроскопического размера материи, которая потом взорвалась и разлетается во все стороны, все более усложняясь (в настоящее время в форме галактик).

Ханна Арендт обвиняет в этой утрате и бессмысленности ученых, которые ради реализации своих идеалов выплеснули вместе с водой ребенка. «По словам Шредингера, – пишет она, – эта новая вселенная, которую мы пытаемся “покорить”, не просто “недоступна на практике, но даже немыслима”, ибо “как бы мы ее не помыслили, наша мысль неправильна; быть может не настолько бессмысленна как ‘треугольный круг’, но намного бессмысленнее чем ‘крылатый лев’”...

Меньше всего хотели ученые “покорять космос”, лететь на Луну или что-то в этом роде... На самом деле не что иное, как поиск “истинной реальности”, заставило их разувериться в явлениях, в феноменах в том виде, в каком они сами открывают себя человеческим чувствам и разуму. Их вдохновляла необыкновенная любовь к гармонии и законосообразности, учившая, что если они хотят открыть всеобъемлющую красоту и порядок целого (вселенной), то им придется выйти за рамки любой попросту данной последовательности или серии происходящего. Этим может объясняться, почему они похоже, не столько терзаются тем, что их открытия послужили изобретению самых смертоносных устройств, сколько переживают из-за крушения всех своих самых лелеемых идеалов законосообразности и необходимости. Эти идеалы были утрачены, когда ученые обнаружили, что нет неделимой материи, никакого *a-tomos*, что мы живем в расширяющейся, неограниченной вселенной и что случайность, похоже, главенствует везде, где эта “истинная реальность”, физический мир, полностью выходит за пределы области, доступной человеческим чувствам или любым приборам, которыми нивелировалась их неотесанность» [\[2, с. 395, 400-401\]](#).

Основная часть

Стоит уточнить, виноваты, ну не в прямом смысле, а образно говоря, не просто ученые, а философы и ученые с естественнонаучной ориентацией. Последняя же может рассматриваться в двух планах: онтологически, с точки зрения устройства и особенностей изучаемых объектов, и эпистемологически, имея в виду методологию исследования. Онтологическая оптика относительно интересующего нас объекта позволяет поставить вопрос о характере и типе Вселенной как объекта, на который обычно отвечают, что Вселенная – это физический объект. «Согласно определению А.Л.Зельманова, – пишет Вадим Казютинский, много лет изучавший космологические теории, – космология – это “физическое учение о Вселенной как целом, включающее в себя теорию всего охваченного астрономическими наблюдениями мира, как части Вселенной”» [\[4, с. 10\]](#). Точно также считает и сам Казютинский, который говорит, что «при всем своеобразии объекта космологии он все же представляет собой физический объект» [\[5, с. 32\]](#). Но для нас это не очевидно.

Эпистемологическая оптика, исходя из исследований Казютинского, заставляет усомниться, что космологические теории были построены в строгом соответствии с естественнонаучном подходом и методологией. Методологию естественных наук обычно сравнивают с методологией гуманитарных науки, что идет еще от оппозиции конца XIX века, в которой были противопоставлены «науки о природе» и «науки о духе» (получившие позднее название гуманитарных). Если естественные науки изучают природу, выявляя ее вечные законы, то гуманитарные – такие объекты как историю, культуру, определенные аспекты человека, произведения искусств и пр., часто понимая

их как «индивидуи» (не субъекты, а уникальные, единичные предметы). Идеалом естествознания выступает математизация природных явлений, галилеевский эксперимент, в котором математические описания превращаются в модели, ориентация на инженерные приложения; все это позволяет прогнозировать и рассчитывать природные процессы [18, с. 23-24; 10, с. 285-308]. Идеал гуманитарных наук другой: не математизация, а «схематизация» (построение схем [11]), позволяющая истолковать и понять изучаемое явление. [12] Так вот, предложенное Казютинским описание и генезис космологических теорий не позволяет отнести их к естественной науке, зато эти теории вполне соответствуют идеалу гуманитарных наук.

Действительно, Казютинский показывает, что натурально как объект природы Вселенная нам не явлена («никакими эмпирическими средствами этот объект не выделен, в теории он задается экстраполяцией» [5, с. 11]), поэтому ни о каком галилеевском, решающем эксперименте нельзя говорить. Далее, вводится «антропный принцип», сближающий Вселенную с объектами гуманитарной науки («то, что мы ожидаем наблюдать должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей» [5, с. 49]). Сближает и наличие разных космологических теорий, по-разному объясняющих одни и те же космические явления и наблюдения (что для гуманитарной науки вещь самая обычная). Следующая проблема, современные космологические эволюционные теории не имеет удовлетворительного числа подтвержденных на их основе предсказаний. Другие имеют, но предсказания не оправдываются (например, поток солнечных нейтрино оказался существенно меньше предсказываемого теорией). Третьи предсказания не имеют пока надежного объяснения. «Что происходит в ядрах галактик, – пишет Казютинский, – мы, по существу не знаем до сих пор... не увенчались пока успехом многочисленные и весьма изощренные попытки разрешить «парадокс массы». В соответствии с современными представлениями скопления галактик должны быть стационарными. Но для этого необходимо допустить, что 95-98 % массы вещества Вселенной находятся в невидимом состоянии («скрытая масса»). Все попытки понять физическую природу скрытых масс пока «повисают в воздухе» [5, с. 31].

«Особенно нетерпима, как показывает Казютинский, “проблема сингулярности”, в соответствие с которой, двигаясь назад к началу разбегания галактик, мы приходит в нулевую точку, где многие физические параметры (масса вещества, радиусы частиц и прочее) приобретают бесконечные или нулевые значения, теряя тем самым физический смысл. Возникает и такой принципиальный вопрос, что было “до” сингулярности. Ряд исследователей “осторожно высказывались в том смысле, что на этот вопрос в настоящее время нет разумного физического ответа” [5, с. 33]. Если его нет в физической реальности, то, возможно, эту проблему можно разрешить в рамках гуманитарной науки? А как еще можно истолковать ответы, даваемые многими космологами: вопрос этот бессмысленный, ибо время, как считал еще Августин, “должно было возникнуть вместе со Вселенной”» [5, с. 34]. Наконец, истолкование красного смещения как разбегания галактик не является единственным. А.Белопольский, например, объяснял его «старением фотонов», многие противники фридмановской теории именно красное смещение, хорошо объясняемое этой теории, рассматривали как раз как свидетельство ее ложности. Смущало и разные измерения красного смещения (постоянная Хаббла у разных авторов различается в десять раз) и открытие в космосе явлений, необъяснимых в этой теории (например, относительно недавно была обнаружена гамма-вспышка по своей мощности соизмеримая с мощностью Большого взрыва [5, с. 27])

Продумывая исследования Казютинского, я сформулировал следующий парадокс – в пределах солнечной системы человек имеет дело с физической реальностью, а за ее пределами с гуманитарной. Кроме того, я утверждал следующее. «Космология должна быть отнесена к научной дисциплине гуманитарного типа, что не исключает наличие в ней различных физических и других естественнонаучных дисциплин. Объект космологии (аналогично объектам биологии, культурологии, социологии) не может быть описан в одной научной дисциплине. "Космологическая реальность" является многоуровневой, причем на каждом уровне действуют свои закономерности, которые должны быть описаны разными космологическими теориями. С точки зрения философии науки, Вселенная представляет собой идеальные объекты гуманитарных теорий, которые создаются с опорой на факты (астрономические наблюдения и их истолкование), в процессе реализации ценностей и подхода космологов, проведения гуманитарного дискурса (например, трактовки астрономических наблюдений как своеобразных текстов и активности Космоса), учета гуманитарной природы Вселенной (множественность космологических теорий, антропный принцип и прочее)» [\[14, с. 128\]](#).

Если же смотреть на работу космологов с точки зрения форм концептуализации (т.е. представлений о типе и особенностях самой науки), то приходится признать наличие и такого парадокса. С одной стороны, космологи пытаются реализовать в своей работе принципы естествознания, которые *реально определяют ряд особенностей их теоретических построений*, с другой стороны, их работа и мышление лучше описываются *принципами гуманитарной науки*. Получается, что они задействуют и реализуют одновременно два типа концептуализации – естественнонаучную и гуманитарную. При этом и та и другая концептуализации реализованы только частично. Например, нет полноценного естественнонаучного эксперимента, не описан по-настоящему механизм галактик и Вселенной. Поскольку принципы гуманитарной науки космологи вообще не осознают (хотя под давлением сопротивления материала реализуют), гуманитарная составляющая их мышления неполноценна, что при отсутствии адекватного осознание вполне естественно.

Чтобы понять, как можно в методологическом плане разрушить эту ситуацию, обратим сначала внимание, что познание Вселенной прошло два этапа: *мифологического осмыслиения* в Древнем мире и начиная с Нового времени *рационального и научного осмыслиения*. На первом основным инструментом познания выступали семиотические «схемы», позволяющие разрешить «проблемные ситуации», задать «новую реальность», что обеспечивало *понимание происходящего*, создать условия для «нового действия», направленного на разрешение проблемной ситуации. Вот один пример.

«На языке тупи, – пишет Э.Тейлор, – солнечное затмение выражается словами: "ягуар съел солнце". Полный смысл этой фразы до сих пор обнаруживается некоторыми племенами тем, что они стреляют горящими стрелами, чтобы отогнать свирепого зверя от его добычи. На северном материке некоторые дикие верили также в огромную пожирающую солнце собаку, а другие пускали стрелы в небо для защиты своих светил от воображаемых врагов, нападавших на них. Но рядом с этими преобладающими понятиями существуют еще и другие. Караибы, например, представляли себе затмившуюся луну голодной, больной или умирающей... Гуароны считали луну больной и совершили свое обычное шаривари со стрельбой и воем собак для ее исцеления» [\[19, с. 228\]](#).

Здесь выражение «ягуар съел солнце» может быть интерпретировано как схема при условии, а) что ситуацию страха перед затмением и неясности, что делать, можно понять

как проблемную ситуацию, б) новое понимание, по которому на небе живет необычный ягуар, питающийся светилами, и диск солнца исчезает в его пасти, охарактеризовать как новую реальность, с) выстрелы в небо и шаривари истолковать как новое действие, призванное заставить ягуара выпустить солнце. Как мы уже отмечали, схемы позволяли осмысливать Вселенную, так сказать, «для человека», сделать ее не только понятной последнему, но и полезной.

Теперь научное объяснение Вселенной. Оно создается из Нового времени, где решались совершенно другие проблемы: не понимание происходящего, а овладения природой, расчета и прогнозирования ее процессов, создание на основе подобного овладения новой техники. То же самое затмение теперь объяснялось на основе естественнонаучных (математических) моделей Кеплера и Тьютона, позволявших точно рассчитать время и место затмений. В отличие от схем, задающих свой объект (ягуар появился на небе одновременно с изобретением соответствующей схемы), построению модели опирается на «моделируемый объект» (планеты солнечной системы и их спутники, вращающиеся вокруг солнца и других планет), кроме того, модель позволяет перенести на моделируемый объект знания, полученные на модели, и эти знания позволяют с этим объектом эффективно действовать (рассчитывать и предсказывать).

Кажется, что может быть лучше, но почему же тогда Вселенная нацелилась на нас: может уничтожить Человечество самыми разными способами (исчезнет магнитное поле Земли, попадет в нее огромный астероид, растают ледники на полюсах, взорвется где-то вблизи новая звезда и потоки энергии смоют жизнь на Земле, выгорит солнце, сожмется в очередной раз Вселенная и тогда Земле тоже конец и пр. и пр.). А техногенные катастрофы, а ожидаемые пандемии! Стоп, разве последнее «дело рук» Вселенной? Вроде бы нет, это результат активности человека, созданной им цивилизации и социальности. Но ведь в то же самое время и Вселенной. Чтобы разобраться с этим парадоксом, взглянем на космическую эволюцию, протекавшую на Земле. Сначала, однако, несколько предположений, основанных на ряде современных умозрений.

Первое. Эволюция представляет собой процесс изменения (развития), обусловленный сложностью Вселенной, разнообразием условий, взаимодействиями. В этом отношении, хотя действуют определенные общие закономерности текущее состояние Вселенной уникально.

Второе предположение. Рано или поздно целое и ход развития Вселенной меняется, то есть рождается и начинает жить другая Вселенная. «В своих блестящих построениях, – пишет Роберт Салман, – уже ставших к настоящему времени классикой, французский математик Рене Том высказал ту идею, что любая организация, система или живой организм подчиняются в своем развитии определенной логике, следуя определенной кривой роста до тех пор, пока не достигнет некоторого потолка. В такой момент происходит слом (или «катастрофа»), предопределяющий исчезновение или распад рассматриваемого объекта, благодаря чему возникает новая форма, вид которой практически невозможно предугадать на основе наблюдаемых ранее условий. При этом новая форма самоорганизуется согласно новым принципам, демонстрируя совершенно новый способ развития... любая система причинных законов является достоверной только на каком-то определенном уровне, а создание условий для достижения некоего агрегатного состояния зависит от некоторых других, фундаментальных принципов и законов, причинно-следственных связей более высокого порядка, которые можно сформулировать только тогда, когда происходит качественный переход к новому состоянию... Следовательно, вселенную, мир можно охарактеризовать как открытую систему, некую последовательность миров в мирам, где непредсказуемое (то есть

неизвестные законы более высокого порядка) и необходимость (то есть принцип последовательной, логичной организации) постоянно взаимодействуют друг с другом... Современная наука доказала, что мир нельзя воспринимать лишь как простую совокупность объектов твердого вещества или совокупность масс, обладающих энергией, а следует учитывать также *информационную составляющую* в смысле некоего генетического кода, *коммуникационную составляющую*, распространяющуюся между формами, элемент взаимодействия между наблюдателем и объектом, *внутреннюю сплоченность* (то есть глобальную взаимозависимость) всех фрагментов мозаики» [\[16, с. 128, 129, 131\]](#).

Третье предположение. На Земле с определенного момента развития сложились такие условия, которые позволили Вселенной, эволюционирующей в лоне Земли (назовем ее «локальной, земной Вселенной»), развиваться иначе, чем за пределами Земли. «Просто удивительно, – делился с автором Казютинский, – насколько земля оказалась приспособленной для появления жизни. Она расположена и не слишком близко от Солнца и не слишком далеко. В первом случае у нас было бы очень жарко, как на Венере, и жизнь, поэтому, была бы невозможна, во втором – как на Плутоне, вечный холод и лед, тем более, белковая жизнь не возникла бы никогда. Получается какая-то предустановленная гармония, точнее априорная установка на жизнь. Наше солнце не слишком молодое и не слишком старое, в обоих противоположных случаях жизнь была бы невозможна. Наша планета окружена атмосферой и магнитным полем, которые надежно защищают жизнь от ультрафиолета и губительных космических лучей. Мы расположены в идеальном спокойном месте галактики... Такое ощущение, что вселенная создана именно для нас, как будто это специально спроектированная пробирка и лаборатория для жизни. Если бы я был верующим, закончил Казютинский, то именно на основе данных современной астрономии пришел бы к выводу о творении жизни на земле, причем вселенная была задумана Богом как материнское лоно» [\[13\]](#).

При этом, как известно, земная Вселенная прошла три основные этапа, точнее можно говорить о трех *последовательных земных Вселенных* – «космической» (физической), «вitalной» (биологической) и «социальной». В рамках последней появился человек и сложилась культура. Каждая следующая земная Вселенная включала в себя предыдущую, соответственно видоизменяя, как свою составляющую или субстрат. В книге «Космобиосоциальная реальность: Завершение модерна и становление фьючекультуры» я привожу следующую схему, показывающую отношения, сложившиеся в эволюции, между указанными тремя земными Вселеными (они здесь названы реальностями).

Здесь модифицированными названы области земной Вселенной, в которых по разным причинам произошли изменения, выступившие предпосылками становления следующей земной Вселенной (предпосылки – это не причины, а условия, без которых следующее целое не может родиться). Например, как я показываю, предпосылками становления социальной Вселенной выступали: изменение около 10-1 миллиона лет до н.э. климата, переход гоминид к парадоксальному поведению, формирование знаков и квазисоциального поведения. [\[15, с. 87-104\]](#)

Так вот приведенные выше космологические теории («Расширяющейся Вселенной», «Горячей Вселенной», «Большого взрыва») – это, во-первых, рефлексия (осмысление) Вселенной, **расположенной за пределами Земли**, но выполненная, что принципиально, **из социальной реальности**, во-вторых, эта рефлексия выполнена в рамках гибридного подхода, концептуализированного как естественнонаучный подход. Учтем теперь, что социальная Вселенная в своей эволюции подошла к опасной черте, поставила себя на грань самоуничтожения. Парадокс здесь в том, что параллельно жизнь человека улучшалась, сформировались культура, наука, искусство и многое другое, явно благое.

И тем не менее, налицо техногенные катастрофы, экологический кризис, несправедливость, социальные конфликты и войны, и все это на фоне ядерного паритета и сдерживания, который почти перестал работать. Трудно ожидать, что из социальной Вселенной со всеми ее противоречиями и конфликтами родится благое, т.е. ориентированное на человека, осмысление Вселенной, простирающейся за «окном» Земли. Уж если человек поставил себе задачу овладеть природой, стать могущественным, получить всевозможные блага, то и по отношению к Вселенной он хотя бы мысленно хочет того же. Правда, парадоксально Вселенная не просто показывает человеку фигу, но прямо угрожает стереть его с лица бытия. Вселенная говорит ему, только человек, увлеченной своей идеей фикс, не слышит: «Тебе мало, что ты овладел и разрушаешь первую природу, хочешь достать и до меня, ты возомнил, вспоминая утверждения Френсиса Бэкона, что станешь столь могущественен, что сможешь заставить служить и меня. Ха-ха, а ведь ты микроскопическая часть меня. Мне видны все твои потуги на власть. Как только ты перейдешь красную черту, я отрежу от себя эту микроскопическую часть меня, и ты исчезнешь. Лучше пойми это и, если не хочешь исчезнуть, поменяй свою жизнь, признай свою зависимость от меня и тогда, возможно, я помогу тебе».

Говоря человек, я, конечно, не совсем законно обобщаю. Все же есть субъекты,

расслышавшие шёпот Вселенной. Одни, как Мартин Хайдеггер громко повторяют его, чтобы услышали остальные, другие, например, Пьер Адо, согласны жить, вообще не пытаясь понять и изучать Вселенную, третьи, как Алексей Лосев возвращаются к сакральному истолкованию Вселенной, четвертые, подобно Казютинскому колеблются в истолковании Вселенной.

«Человеческий субъективизм, – пишет Хайдеггер в докладе “Время картины мира”, – достигает в планетарном империализме технически организованного человека своего высшего пика: с которого он опускается в плоскость организованного однообразия и обустраивается там. Это однообразие есть самый надежный инструмент полной, то есть технической власти над Землей <...> То, что уже давно угрожает смертью человеку и притом смертью его сущности, – это абсолютный характер чистого воления в смысле преднамеренного стремления утвердить себя во всем. То, что угрожает человеку в его сущности, есть волевое убеждение, будто посредством мирного высвобождения, преобразования, накопления сил природы, а также управления ими человек может сделать человеческое бытие для всех более сносным и в целом счастливым» [\[22, с. 144, 148\]](#).

«Эйнштейн, – размышляет Пьер Адо, – приходил в восторг от законов природы, предполагающих трансцендентальный разум, и от порядка мира, соответствующего порядку мысли. Можно было бы сказать по этому поводу: непонятно то, что мир был бы понятен... Для этой темы, вы это признали сами, вопрос пророчества и порядок мира имеют мало значения. Эпикур в это не верил, и, кстати, необходимость стоиков в конце концов не очень сильно удалена от некоторых современных концепций» [\[1, с. 240\]](#).

«Это, – рассказывал Лосев, объясняя Владимиру Бибихину, почему он верующий, – меня поражало. И так я прожил свою жизнь и не смог и не могу понять... Бог творец, всемогущий – а здесь что творится? Разве не может он одним движением мизинца устранить все это безобразие? Может. Почему не хочет? Тайна... А верующий тот, кто эту тайну прозрел. Другие – дескать, э, никакого Бога нету. Это рационализм, и дурачество... А вера начинается тогда, когда Бог – распят. Бог – распят! Когда начинаешь это пытаться понимать, видишь: это тайна. И древние и новые, конечно, эту тайну знали. Аристотель наивно: в одном месте “Метафизики” говорит так, в другом иначе. И там, и здесь все правильно. Но если ты скажешь: как же это так, там у вас абсолютный ум, перводвигатель, который всем управляет, а тут черт знает что творится?.. А был бы верующий, сказал бы: это – тайна. Поэтому я не хотел делать абсолюта из “Метафизики”...

Вот поэтому, излагая нудную, скучную метафизику, претендующую на абсолютность (крепкое, божественное устройство мира) – я считаю, что тут же заложена и вся относительность. Небо, конечно, движется на века. Этот бог, по крайней мере нижний, но даже этот бог движется всем движением небесного свода. – Но если в одну секунду окажется, что этого свода нету, какой-то один момент, и весь этот небесный свод выпал, взорвался, поломался, исчез – я не удивлюсь. Потому что я верующий. А если бы я был язычник – то да, конечно, сказал бы я, здесь у нас на земле хаос, но зато неподвижные звезды все движутся постоянно, вечно, неизменно и т. д. С христианской точки зрения это относительно, но язычество – это абсолютизация всего мира. Ну что ж, пусть Платон и Аристотель верят, что это устройство нерушимо – пусть верят. Но если вдруг случится катастрофа, то они не знают, куда деваться – но я скажу: свершилась тайна Божия; так должно быть» [\[4\]](#).

В статье «Нет, космология – наука физическая, а не гуманитарная! Ответ В.М. Розину» Вадим Казютинский сразу после выхода моей статьи пишет, что интерпретация его взглядов Розиным «абсолютно неадекватна и носит по сути пародийный характер». [\[6. с. 129\]](#) Но где-то через год Вадим подошел ко мне и смущенно сказал, что возможно я прав, поскольку один известный западный космолог высказал примерно те же самые соображения о Вселенной что и ты. Однако, на мой взгляд, исследования Казютинского говорят сами за себя, они убедительнее мнения известного западного космолога.

А как понимает представленную здесь ситуацию автор? Он считает, что человек должен заново установиться в своем понимании Вселенной, а именно, во-первых, признать ее присутствие (обусловленность) в своих действиях, во-вторых, согласиться с тем, что развитие социальной Вселенной приобрело катастрофический характер, в-третьих, начать продумывать сложившуюся социальность, чтобы понять, что нужно изменить. Поясню на двух примерах – ядерном проекте и пандемии.

Атомную бомбу никогда не удалось бы создать, если бы в физической реальности (космической Вселенной) не существовало соответствующих предпосылок в форме процессов деления ядер урана (цепной реакции деления). Но в чистый уран, обладающий критической массой, ядра урана собираются не сами собой, и примеси из урановой руды удаляются не сами по себе под влиянием законов природы. Чтобы эти предпосылки заработали, необходимы были многочисленные действия человека и достаточно высокий уровень развития социальности: исследование в науке деления ядер урана, химических процессов и многих других процессов как природных, так и технических, организация добычи урановой руды, создание новых производств, принятие политических решений, выделение государством больших средств, организация шпионажа и секретности и пр. [\[17\]](#) Иначе говоря, только определенное развитие социальной Вселенной, включающее практику ведения войн, технологическое опережение, страхи перед нацистской Германией, которая работала над созданием атомного оружия, желание обезопасить себя в соревновании социальных систем и утвердить себя, как пишет Хайдеггер, «во всем», обусловило такое развитие физической Вселенной, которая привела с созданием атомной бомбы и применению ее в конце Второй мировой войны. Вопрос, возможно ли другое развитие социальности, позволяющее минимизировать социальные конфликты и войны, сделать мир более безопасным и справедливым, восстановить экологию Земли, отодвинуться Человечеству от угрозы гибели? Собственно говоря, это даже не вопрос, а настоятельное требование современности, если его не удовлетворить, последствия будут катастрофическими. Теперь, пандемия.

Разве это чисто биологическое явление? Не обусловлено ли оно современным уровнем развития социальности. Во-первых, возросшими на несколько порядков контактами. «Ну, какая политическая модель, – размышляет главный редактор «Независимой газеты» Константин Ремчуков, – могла бы приготовить нас к тому, что вирус прилетит откуда-то в условиях глобализации, когда все летают на самолетах... Я уже приводил эти цифры, что в Ухане 20 лет назад 18 миллионов туристов посетило всю эту провинцию, а в 18-м году 288 миллионов туристов. В 54 страны самолеты летят, в 82 города Китая они летят. И, представляете, если они летят из этого Уханя, сходили на рынок, поели... мышей или змей, или спустились в пещеру... Сегодня я читал какую-то статью хорошую, говорят, что стены пещер, где летучие мыши, что летучие мыши могут на этих стенах откладывать... Ты прикоснулся к стене – идете гуськом – и потом вынес и понеслось. И потом вы сели все в самолеты и полетели в 54 страны мира. Вышли в Италии, пообнимались с радушными итальянцами – и понеслось... совершенно другой масштаб коммуникаций, урбанизация,

это повышенная скученность людей. это метро, в котором все едут... В том же Ухане метро было: одна линия – 9 станций, сейчас там 20 с лишним линий и 256, что ли станций. Представляете, все набиваются в метро и едут. И так по всему миру. Почему мы видим, что Нью-Йорк, Нью-Джерси, все эти столичные метрополитены от этого страдают, почему Москва ... Конечно, это факторы именно предопределенные уровнем глобализации» [\[8\]](#).

Во-вторых, во многих странах велись эксперименты на животных, а также с бактериями и вирусами как с благими целями создания новых видов питания, вакцин и лекарств, так и с иными, например, создания новых видов биологического оружия. До сих пор мировое сообщество так и не решило: был ли коронавирус естественной мутацией или сознательно был создан в какой-то лаборатории.

В-третьих, современная техногенная среда (концентрация электрических и магнитных полей, производств, машин) способствует и ускоряет мутации генов, в том числе и опасных для человека.

Таким образом, именно развитие социальности на фоне биологических предпосылок запускают пандемии и создают условия для быстрого их распространения.

«Сходные процессы еще раньше породил экологический кризис, техногенные заболевания, миграционные процессы и ряд других негативных процессов, которые в совокупности бы осознаны как угроза гибели нашей цивилизации. Действительно, социальное развитие модерна предопределило такое развитие промышленности и технологий, в том числе военных, которое в масштабе (сфере) планеты начали трансформировать процессы космической реальности, а те в свою очередь витальные процессы. Вывод очевидный: необходимы изменения сложившейся социальности.

дного из типов реальности, скажем, социальной, но и ренегатных областей реальности, из которой данная вышла (т.е. и целесообраз в этом месте читатель может остановить автора, воскликнув, а как же Вернадский, он еще сто лет тому назад писал о взаимодействии рассматриваемых автором типов реальности и, в частности, ввел интересное понятие биосфера и ноосфера. А его последователь известный биолог Тимофей-Ресовский разработал проект, позволяющий, не разрушая биосферу земли, прокормить быстро растущее население планеты [\[21, с. 353-362\]](#). При этом он, мысля в логике ноосферы, предлагает правительствам срочно начать решать поставленную им проблему. Тимофеев-Ресовский уверен, что можно решить все социальные проблемы на биологическом пути и в плане доброй воли; для него социальная реальность как бы не существует, вряд ли бы он ответил, что будет дальше, когда численность населения земли перевалит за второй десяток миллиардов жителей, не возникнут ли новые социальные проблемы, еще более сложные, или захотят ли правительства и общества бросить все силы на увеличение продуктивности биосферы, кто вообще будет принимать решение о реализации проекта и т.д. и т.п.

Философы Л.В.Фесенкова и А.В.Панкратов спрашивают: «Откуда возникает в моделях, ориентированных на биологическое и экологическое видение мира этот моральный, духовный фактор?.. Он возникает как бы ниоткуда. В этом специфика не только представлений Вернадского, но и всех последующих разработок моделей устойчивого развития, которые, как мы отмечали выше, с необходимостью предполагают для своего осуществления возникновение морально совершенного человека. Это неустранимое противоречие» [\[20, с. 166-167, 172\]](#). Джон Ритцер открывает свою книгу «Современные социологические теории» утверждением, что хотя «люди создают мир, который в

конечном итоге порабощает их», они «всегда имеют возможность изменить ограничивающий их миропорядок» [\[9, с. 16\]](#). Посмотрим, какие у них есть для этого возможности.

В свое время социальный хаос и эгоизм (речь идет о формировании модерна) удалось обуздать и минимизировать за счет изобретения новоевропейских институтов – парламент, национальное государство, всеобщие выборы, системы сдержек и противовесов, право и другие. И худо-бедно этот социальный порядок неплохо работал в ряде европейских стран и США до XX столетия. Сегодня он перестал выполнять свое назначение, и потому, что кардинально изменилась социальная жизнь, а также потому, что были изобретены технологии, позволяющие использовать созданные социальные институты не по назначению, в эгоистических целях отдельных сообществ и даже личностей и групп.

В целом эгоизм в мире возрастает. Лосев спрашивает, почему Бог терпит зло и ничего не предпринимает? Может быть, потому, что старый социальный порядок модерна приказал жить, а новый еще не создан? Эмануэль Сведенборг утверждал, что все люди делятся на хороших, тянувшихся к Господу и Небу, и плохих, культивирующих зло, а Бог поддерживает равновесие в борьбе этих сил. Но тогда зло не должно было бы увеличиваться, а оно явно растет. Приходиться признать, что дело не в биологической природе, мол, есть хищники и их жертвы, существует пищевая цепочка, в которой мы занимаем определенное место. Нет, на уровне социальной реальности идеи добра и зла самоцелы, они созданы, в том числе, и «проектным разумом».

Но может быть, все же зло можно загнать в клетку и минимизировать, создав новый социальный порядок? Однако каким образом это можно сделать, если в мире множество социальных сил и организмом, находящихся на разных уровнях развития: одни уже готовы меняться, а другие нет, они только подключаются к благам модерна. Одни одержимы идеями социального переустройства и справедливости, а другие в них не верят и считают, что социальная справедливость недостижима. Идея диалога и взаимных уступок предполагает от их участников определенный уровень развития, которого нет, и неизвестно, возможен ли он в принципе.

Ситуацию усугубляют еще два обстоятельства. Первая, модерн претерпевает кризис и на его фоне складывается новый тип культуры и реальности – «посткультура». Эта культура только становится, ее черты еще не ясны, ряд социальных трендов налицо (процессы глобализации, конвергенция социалистических и капиталистических форм хозяйствования и экономики, формирование метакультур и новой этики и др.), но это только тренды, все может измениться.

Второе обстоятельство – кроме трех рассмотренных выше типов реальности похоже становится четвертый, его можно назвать «антропо-деятельностно-технический» тип реальности. На эту мысль наводит Интернет, мобильная связь, робототехника и ряд других новообразований. Разве, например, Интернет это чисто техническое изобретение и система? Нет, Интернет постоянно улучшают, за счет чего он развивается, в Интернете сидят люди, которые решают самые разные социальные и индивидуальные задачи, пакетная передача информации в Интернете, а также вирусные атаки и борьба с ними очень напоминают особую форму жизни, Интернет меняет наше видение и образ жизни, по-новому связывая людей планеты [\[11\]](#). Выражение, «мир стал маленьким, и все друг с другом связаны» отражает новое мироощущение, приходящее на смену социальному типу реальности и модерну.

Не получается ли тогда, что наш мир обречен? Однако не впервые. Вспомним, например, конец античной культуры и начало средневековья. Падение культуры, одичание, распространение зла, пандемия холеры и многое другое свидетельствовали о гибели мира. Но, начиная с VIII-IX веков, в Европе начинается подъем культуры, развитие городов и ремесла, становления христианской нравственности. Необходимость жить, торговать, поддерживать порядок, защищаться от врагов взяли вверх над злом и социальным хаосом. Думаю, то же самое произойдет и в нашем мире» [\[13\]](#).

Заключение

Ну а как же быть с познанием того, как устроена Вселенная, а также, каким образом защитить Землю от ее случайных воздействий? Какой смысл мы придаем понятию «строительство» Вселенной? Или сакральный – Вселенную устроил Бог, или опять же естественнонаучный. Первый, конечно, дает утешение, а второй, как говорит Арендт, привел к тому, что Вселенная «недоступна на практике и даже немыслима». Ради истины стоит отметить, что и то и другое, однако, не является отрицанием возможности гибели Земли от случайных космических воздействий, вероятность которых, впрочем, преувеличена. Строение Вселенной стоит помыслить не в рамках естественнонаучного подхода, а в плане «спасения», которое мы предложили связать с таким переосмыслением сложившейся социальности и вытекающими отсюда изменениями, которые отодвинут Человечество от гибели, и будут работать на жизнь и благо. Кстати, в работу по спасению должна войти и защита Земли от случайных космических воздействий.

Из наших размышлений напрашивается следующее представление о Вселенной. Она представляет собой своеобразную матрешку Вселенных – **космическая, физическая, биологическая, социальная и ноосферная** (последняя только начинает складываться). Не исключено, хотя вероятность этого небольшая, что не только на Земле возникла жизнь и разум (не обязательно похожие на наши); в этом случае добавится еще ряд планетарных Вселенных. При этом в социальной Вселенной идут два разнонаправленных процесса. Один работает на человека и культуру (впервые его осознает Платон и Аристотель, говоря о «справедливости» и «благе»). Другой процесс в силу разноприродной (конфликтной, эгоистической) направленности, имеющей место во всех Вселенных, по сути, действует против человека и культуры. Это второй процесс обусловлен не только поступками отдельных людей, но множеством других социальных действий (например, войнами, торговлей, производством вещей, разделением и кооперацией труда, управлением и властью и пр.). Двумя важными особенностями ноосферной Вселенной должны будут выступать установка на спасение и реальные изменения, направленные на реализацию этой установки.

Традиционно мы мыслим Вселенную с помощью таких категорий как пространство, время, материя, энергия, движение. Придется формировать другую оптику и понимание, позволяющие объяснить Вселенную как условие нашего спасения. Мы привыкли понимать строение Вселенной физиалистски, предлагаемое здесь понимание, безусловно, иное. Но ведь сумели люди сменить Птоломеевскую вселенную на Коперниканскую, думаю, рано или поздно перестроят свое сознание и в данном случае.

Библиография

1. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И.Дэвидсоном. – М., СПб., Изд. «Степной Ветер», ИД «Коло», 2005. 288 с.
2. Арендт Х.Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли /

- пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.
3. Аристотель. Метафизика. М.-Л.: Соцэкиз, 1934. 348 с.
 4. Бибихин В.В. Из рассказов А.Ф. Лосева // Сибирская православная газета. 2005. № 1. <http://www.ihtus.ru/012005/c1.shtml>
 5. Казютинский В.М. Традиции и революция в современной астрономии. (Докторская диссертация). ИФ РАН. – М., 1999. 58 с.
 6. Казютинский В.М. Нет, космология – наука физическая, а не гуманитарная! Ответ В.М. Розину // Эпистемология & Философия науки. Т. XII, № 2. 2007
 7. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения в 4-х т. на немецком и русском языках. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997. 784 с.
 8. Ремчуков К. / Персонально ваш // 06.04.20. <https://salda.ws/video.php?id=g9MuZCGHTzU>
 9. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
 10. Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация : учебное пособие / В. М. Розин ; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т.-Москва : Изд-во Московского психолого-социального ин-та ; Воронеж : Изд-во НПО "МОДЭК", 2008. 596 с.
 11. Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании / В. М. Розин; Российская акад. наук, Ин-т философии. М.: URSS, 2011. 255 с.
 12. Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. URSS. 2018. 208 с.
 13. Розин В.М. Космобиосоциальная реальность: Завершение модерна и становление фьючекультуры. Этюды-исследования. (Осмысление пандемии и других негативных последствий техногенной цивилизации) URSS. 2022. 200 с.
 14. Розин В.М. К проблеме демаркации естественных и гуманитарных наук, а также куда мы должны отнести космологию? // Эпистемология & Философия науки. Т. XI, № 1. 2007. С. 111-128.
 15. Розин В.М. Природа и генезис техники. Мю: Де' Либри, 2024. 390 с.
 16. Салман.Р. Будущее менеджмента. – М., СПб.: Питер, 2004. 304 с.
 17. Создание советской атомной бомбы
https://ru.wikipedia.org/wiki/Создание_советской_атомной_бомбы
 18. Степин В.С. Наука // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: ИФРАН, Мысль, 2001. С. 23-28.
 19. Тейлор Э. Первобытная культура. М.: Соцэкиз, 1939. 602 с.
 20. Фесенкова Л.В., Панкратов А.В. Ноосферное мышление и современная философия природы // Философия природы сегодня. – М.: Канон+, 2009. – С. 157-174.
 21. Тимофеев-Ресовский Н. Воспоминания. М.: Прогресс, Пангея, 1995. 455 с.
 22. Хёсле В. Философия техники М.Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: ИФРАН, Наука, 1991. С. 138-154

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Текст «Возможно ли преодоление парадоксов современной концептуализации Вселенной?», представленный в редакцию журнала «Философская мысль» не является научной статьей. В нем нет предмета исследования, так как заявленный в заглавии вопрос в дальнейшем тексте статьи обнаруживает множество толкований ключевого понятия – «Вселенная». Нарушая второй закон логики – «закон непротиворечия», автор начиная размышление, говорит о «Вселенной» в значении объективной реальности космоса, затем переходит к разговору о «Вселенной» как умозрительной модели ученых, затем «Вселенной» как обывательском представлении, а во второй части текста вовсе вводит понятия «космической» (физической), «витальной» (биологической) и «социальной» Вселенных. Автор то называет их этапами (не поясняя этапами чего), то самостоятельными Вселенными. Выделяемые автором текста «противоречия» в понимании (концептуализации) Вселенной на деле оказываются результатом неумения работать с категориальным аппаратом и несоблюдением законов формальной логики. Это приводит к тому, что в представленном «исследовании» (а на деле псевдонаучном тексте) отсутствует объект.

Методология научного исследования в рецензируемой работе отсутствует. Ее место занимает обильное цитирование научных и философских работ, логика использования которого не очевидна.

Актуальность автором не обозначается, но из текста можно предположить, что он намерен исправить противоречия в понимании Вселенной, которые демонстрирует современная фундаментальная наука.

Научная новизна отсутствует, так как статья очевидно ненаучна. Ключевая идея автора, которую он стремится донести до читателя, заключается в утверждении необходимости отнесения космологии к гуманитарным исследованиям, поскольку Вселенная существует в том числе как субъективная реальность человека.

Стиль текста близок к ассоциативному, понять последовательность рассуждений автора достаточно сложно. Обилие цитат снижает оригинальность текста до 50 %, что недопустимо для статей в научных журналах, особенно, если учесть, что цитаты длинной в абзац не комментируются автором, а используются в качестве замены собственных размышлений. Используемые автором тезисы не подкрепляются ни фактически, ни логически. Ряд из них просто абсурдны, например: «...но почему же тогда Вселенная нацелилась на нас: может уничтожить Человечество самыми разными способами (исчезнет магнитное поле Земли, попадет в нее огромный астероид, растают ледники на полюсах, взорвется где-то вблизи новая звезда и потоки энергии смоют жизнь на Земле, выгорит солнце, сожмется в очередной раз Вселенная и тогда Земле тоже конец и пр. и пр.».

Кроме собственно размышлении о Вселенной и неверности ее понимания в рамках естественнонаучного познания, в том числе потому, что «современные космологические эволюционные теории не имеет удовлетворительного числа подтвержденных на их основе предсказаний», автор размышляет о пандемии, мифологическом мышлении, изменениях в мировосприятии модерна и множество других тем, которые возможно как то связаны друг с другом в его картине мира, но перенесенные на бумагу, выглядят достаточно случайно и причудливо.

Библиография статьи включает 22 наименования работ на русском языке, как отечественных, так и зарубежных авторов, не имеющих общей тематики.

Апелляция к оппонентам. Автор значительную часть работы солидаризируется со взглядами Вадима Казютинского, изложенными им в докторской диссертации, а также представляет полемику Казютинского с В.М. Розиным.

Данный текст не может считаться научной статьей и не должен быть опубликован в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматриваются вопросы, связанные с различными способами осмыслиения мироздания. Основная идея автора состоит в том, что привычное «физикалистское» истолкование Вселенной в современной культуре оказывается недостаточным, и на повестку дня выходит его (как минимум) дополнение, которое учитывало бы деятельность человека. Статья по своему характеру является научно-популярной. Автор стремится рассматривать сложные научные и философские аспекты понимания мироздания таким образом, чтобы они были понятны самому широкому кругу читателей. При этом автор обращается и к текстам «сложных» мыслителей, таких, например, как Аристотель или Кант. Однако его внимание при этом привлекают, как правило, фрагменты, ставшие благодаря многочисленным истолкованиям и комментариям, «эталонными» не только для самих творцов, но и для представляемых ими эпох, а потому они легко воспринимаются читателем. Конечно, и в подобных фрагментах всегда скрывается второе и третье «дно», но, включённые в контекст научно-популярного повествования, они «сглаживаются» до того смысла, который в данном случае требуется автору. Конечно, стремление изложить сложные философские или научные проблемы в популярной форме в некоторых случаях приводит к тому, что стиль повествования становится «излишне свободным» даже для жанра научно-популярной статьи. Например, «Основная часть» статьи начинается словами: «Стоит уточнить, виноваты, ну не в прямом смысле, а образно говоря, не просто ученые, а философы и ученые с естественнонаучной ориентацией». Такая формула выглядела бы естественной в полемике, но в оформляемом в качестве научной статьи тексте она вряд ли уместна (тем более, в начале смыслового фрагмента). Остались в тексте также пунктуационные ошибки и простые опечатки, например, «...шествие естествознания в первой половине XX столетия вытравили... и превратило...», «мало понятный» (следует писать слитно), и т.п. В тексте присутствуют излишне обширные цитаты, которые не несут глубокого содержания, а потому без ущерба для понимания вопроса могут быть «свёрнуты» в лаконичные замечания вводного характера (например, приводимые слова Х. Арендт). То же самое можно сказать и о цитате из Хайдеггера. Цитата же из Э.Тейлора представляется и вовсе избыточной. Особенно много места в тексте занимает пересказ и комментирование работ В.В. Казютинского (в списке литературы, по-видимому, имеют место ошибки в указании инициалов этого исследователя), причём для читателя на основании только представленного текста не вполне понятно, почему именно этому автору уделяется столь значительное внимание, возможно, было бы целесообразно указать на значение его работ для современного понимания познания Вселенной. Несмотря на высказанные замечания, которые могут быть учтены в рабочем порядке, представляется правильным рекомендовать рецензируемую статью к публикации в научном журнале.

Философская мысль
Правильная ссылка на статью:

Кузьмин В.Г. К вопросу о существовании абстракций // Философская мысль. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.3.44090 EDN: BDJFEW URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=44090

К вопросу о существовании абстракций

Кузьмин Владимир Геннадьевич

кандидат философских наук

исследователь

214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Коненкова, 2/12, кв. 21

✉ kvg-17@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.3.44090

EDN:

BDJFEW

Дата направления статьи в редакцию:

21-09-2023

Аннотация: Исследуется данность абстракции. Она предусматривает бытие её релятивных состояний (данность экстенсиональная или интенсиональная). Анализируются некоторые виды абстракции, в частности, абстракция отождествления, изолирующая и др. Показано, что первая дана интенсионально, а вторая – экстенсионально. Делается вывод о том, что абстрагирование и идеализация – это две стороны одного процесса. Используется интервальная методология и феноменологический подход (в интерпретации А. Мейнонга). Отмечается, что для каждого «размера» интервала абстракции – а их всего три: «ситуация», «со-бытие» (совокупность предметно связанных ситуаций) и «универсум» – имеют место свои виды абстракций. В частности, абстракция конструктивизации дана в ситуации, а изолирующая – в со-бытии. В заключении делается вывод о том, что вопрос о существовании абстракций сам по себе некорректен. Существование объектов (конкретных или абстрактных) – это всего лишь один из многих модусов бытия объектов. Для абстрактных объектов характерен более слабый модус, чем для реально существующих. Существование, как одно из состояний данности, в модусной интерпретации само собой элиминируется. Уместнее говорить о бытии каких-либо объектов в ситуации (в со-бытии, в универсуме) с каким-то модусом для «Я» и/или для

Другого (Других). Таким образом, абстрактные объекты бытийствуют в данности точно также как и любые другие, в том числе реально существующие.

Ключевые слова:

интервал абстракции, эксперимент, наблюдение, концепт, абстракция бесконечности, актуальное свойство, экстенсиональная данность, интенсиональная данность, здесь и сейчас, там и тогда

Введение. Тема абстракции очень обширна и велика. В этой статье исследуется лишь один аспект: в какой мере абстракции существуют и насколько они отличаются от материальных объектов. В этом вопросе до сих пор не достигнута ясность. В частности, Г. Розен указывает на трудности в определении абстрактного и в различении абстрактных и конкретных объектов. Он анализирует два определения:

1. согласно Г. Фреге, «объект является абстрактным тогда и только тогда, когда он одновременно является не-ментальным и не-чувственным»;
2. «объект является абстрактным, если и только если он не-пространственен и каузально неэффективен».

И приводит ряд примеров (остаточный образ в воспоминании, нечистое множество, реально существовавшие герои художественных произведений, шахматная игра и т. д.), которые трудно отнести как к конкретным, так и к абстрактным объектам в соответствии с этими определениями^[1]. С. Л. Катречко считает, что абстрактный объект – это возможный объект, «характеристики которого в отличие от конкретных объектов заданы лишь частично»^[2]. По мнению А. Н. Уайтхеда, абстракция, в отличие от действительности, лишена движения как материальное тело^[3, с. 218]. Наиболее полно об абстракции и о её современном состоянии написал М. М. Новосёлов в своей книге^[4]. Очень подробно о сути абстрактного изложено у В. В. Целищева^[5, с. 60-63]. Он отмечает, что в философии имеют место несколько принципов отличия абстрактного от конкретного. Среди них он выделяет следующие: во-первых, конкретное подразумевает пространственно-временную природу объекта; во-вторых, абстрактная сущность неотделима в своём существовании от других сущностей. Например, цвет предмета (как абстрактное) неотделим от самого предмета. И, наконец, в третьих, абстракция ассоциируется с процессом абстракции.

Что же понимают под абстрагированием? «...Под операцией абстрагирования, имеющей результатом образование абстракций, понимают процедуру отвлечения от некоторых несущественных в определенном отношении свойств предметов и/или явлений»^[6]. Абстракция имеет место как социокультурный объект как для «Я», так и для Другого (самобытного «Я») и поддерживается направленностью сознания участников процесса абстрагирования. Абстрагирование обусловлено субъективностью самого познающего субъекта («Я» или Другого). Известные в логике типы абстракции имеют место относительного Другого и носят объективный характер.

Представив абстракцию не как отвлечённую логическую операцию или её результат, а как данность в конституировании, исследуем вопрос о мере существования абстракции. Увидим, что в таком ракурсе стирается граница между конкретным и абстрактным.

Поскольку всё, на что направлено внимание (в том числе мысленное) субъекта, представляет собой объект (в интенциональности), то и абстракция есть объект. Будем учитывать модусы (способы бытия) абстракции, как объекта. Это позволит расширить наше представление об абстракции. Будет затронута тема относительности (релятивности) самого процесса абстрагирования. Абстракция может быть достигнута по выделенному свойству интенсионально или экстенсионально в зависимости от «местоположения» познающего субъекта. При описании объектов будем исходить из феноменологической концепции А. Мейнинга. Чтобы не усложнять текст, исследуем лишь некоторые виды абстракции.

В статье используется подход, принятый в интервальной методологии (М. М. Новосёлов, Ф. В. Лазарев, А. И. Креминский и др.). Абстракция изучается в некотором диапазоне применимости – интервале абстракции, в котором действуют соответствующие ограничения. В соответствие с этим, абстракция, как объект, задаётся в каком-то определённом интервале свойств и отношений. Он «отражает те границы, в пределах которых категория объекта (вещи) имеет конкретный смысл, т. е. факт единства объекта и среды. Интервал ... есть указание на те качественные границы среды, в которых бытие объекта оказывается неотделимым от среды, а среда выступает как средство проявления потенциальных свойств объекта»[\[7, с. 7\]](#). Ф. В. Лазарев уточняет: «Интервал элементарной абстракции есть область практической и теоретической допустимости рассмотрения конкретного предмета как “абстрактного”. Интервал характеризует условия однозначной применимости данной абстракции с точки зрения их всеобщности»[\[7, с. 12\]](#). Он выполняет функцию познавательной позиции субъекта^{[\[8\]](#)}.

Актуальное свойство и сегмент реальности. В акте внимания объект в интервале абстракции наделён только одним (интенциональным) свойством, каково бы оно ни было (даже очень сложное, состоящее из многих более простых «элементарных» свойств). Будем его называть актуальным (Ф. В. Лазарев называет его качеством^{[\[7, с. 8\]](#)}). В бытии такое свойство имеет структуру некого «многогранника», и для субъекта актуальна та его грань, которая имеет значение в выделенном интервале абстракции. В восприятии оно «повёрнуто» к познающему субъекту со стороны, имеющей значение в ситуации или в рамках поставленной задачи. При этом актуализируется не только само свойство объекта, но и все его связи, которыми оно связано со свойствами иных объектов в том же самом интервале абстракции. В силу этого актуальным свойством будет действие, обстоятельство и т. д., например, «существовать относительно...», «отвлечься от...», «зачем?» и т. д. Иные грани актуального свойства скрыты, они присутствуют в «тут-бытии», но в акте внимания не актуализируются или же раскрыты для субъекта не полностью, а только в какой-то его части.

В силу сказанного, условимся считать интервал абстракции в дальнейшем изложении системным целым. По степени охвата в акте внимания разделим его на три разных вида, обозначив их как сегменты реальности (кстати, В. А. Бажанов использует другой термин – «сечение реальности»^{[\[6\]](#)}). К таким сегментам относятся: (текущая) «ситуация», «событие» (бытие предметно связанных ситуаций) и «универсум». Субъект конституирует интересующий объект с актуальным свойством (следовательно, в связи с другими объектами) как данный в ситуации, в со-бытии или в универсуме. И абстрагирование может быть произведено в каждом из указанных сегментов реальности. Следует учитывать, что ситуация имеет приоритет перед со-бытием или универсумом, хотя бы в силу того, что сознание субъекта ежесекундно конституирует именно ту ситуацию, в которой присутствует. Со-бытие также начинается с исходной ситуации и простирается в

акте внимания до какой-то следующей ситуации, пока не будет решена задача или проблема. Универсум дан в акте внимания сразу как целое. При абстрагировании необходимо опираться на интервал абстракции, совпадающий в акте внимания с указанным сегментом. Заметим, что оно производится по присущему объекту свойству. По неприсущему свойству в ситуации абстракция построена быть не может в силу определения актуального свойства. Например, абстрагирование объекта «красное яблоко» по свойству «быть красным» даёт объект «яблоко». Между тем абстрагирование по неприсущему свойству, например, «быть шоколадным» даёт тот же самый объект «красное яблоко». Абстракция не возникает.

Модусы объекта. Данность объекта определим как его бытие в какой-то местности («здесь и сейчас» или «там и тогда») относительно «Я» и/или Другого (Других). Она определяется модусом. Модус объекта в сегменте реальности по актуальному свойству есть значение её определяющей функции, зависящей от соотношения составляющих. К последним относятся: 1. присутствие (или отсутствие) объекта в акте внимания для «Я»; 2. присутствие (или отсутствие) объекта в акте внимания для Другого (Других); 3. присутствие (или отсутствие) объекта в заданном сегменте реальности «здесь и сейчас»; 4. присутствие (или отсутствие) объекта «там и тогда». Данность объекта, характеризуемая его модусом, передаёт всё многообразие его бытия в соответствующем сегменте реальности. Так, например, о существовании объекта говорим, если его данность имеет один из следующих модусов: бытие объекта для «Я» «здесь и сейчас», бытие для Другого (Других) «здесь и сейчас» и/или «там и тогда». Наиболее очевидное существование изучаемого объекта будет в модусе: бытие для «Я» и Другого (Других) «здесь и сейчас». Существование, возможность или несуществование объекта для «Я» или Другого (Других) – это частные случаи данности объекта, о которой здесь говорим.

В каждой ситуации (длящейся по времени от 0,08 секунд до нескольких минут) объект, на который направлено внимание «Я» и/или Другого (Других), имеет только один привязанный к этой ситуации модус. В какой-то следующей ситуации модус объекта может измениться. На эту тему рассуждал Л. Витгенштейн. Если мы видим перед собой дерево, которое для нас существует в этот момент времени, то, отвернувшись от него, мы не уверены, что оно продолжает существовать. «Это дерево исчезает, когда мы поворачиваемся к нему спиной»[\[9, с. 99\]](#). Если на дерево не направлено внимание субъекта, то оно имеет меньшую меру существования (становится только возможным в этот момент времени).

Итак, мера существования объекта в ситуации определяется его модусом. Чем больше свидетелей («Я» и/или Другого (Других)) фиксируют бытие объекта (больше направленных на него актов внимания), тем мера существования этого объекта больше (он более очевиден). Соответственно, чем меньше таких свидетелей, тем и мера его существования будет меньше. Он менее очевиден или вовсе не очевиден. Например, Луна для всех очевидна, миллиарды людей видят её как днём, так и ночью. А НЛО, о котором многие говорят, очевиден лишь для тех, кто непосредственно видел это явление. Мера существования НЛО очень мала и его бытие характеризуется в промежутке от возможности до полного отрицания. В первом случае говорим о сильном модусе объекта («Луна»), во втором случае – о слабом (объект «НЛО»). Таким образом, модусы объектов в разных ситуациях можно сравнивать между собой. Заметим, что Э. Гуссерль различал у объекта актуальный модус (тот, что в акте внимания) и неактуальный модус (с потенциальностью полагания). По его мнению, роль самого внимания заключается в актуализации потенциального[\[10, с. 351\]](#). Выше мы говорили о модусе объекта в самом простом случае – его бытии в конкретной ситуации. Имеют место

точно такие же модусы объекта, конституируемые в со-бытии или во всём универсуме в целом. Это зависит от выбранного сегмента реальности в решаемой задаче.

По аналогии введём сравнительную меру абстракции для объектов. Говорим, что какой-то объект более абстрактен, чем другой, если первый имеет более слабый модус, чем второй. Очевидно, что в процессе абстрагирования по присущему свойству его модус изменяется на более слабый. Чем сильнее модус объекта, тем мера его абстракции в соответствующем сегменте реальности будет меньше. И наоборот, чем слабее такой модус, тем более абстрактным будет объект.

Отметим, что актуальное свойство полностью характеризует соответствующий объект в своём сегменте реальности. Но абстрагирование не может производиться именно по этому самому актуальному свойству. Отвлечься от него – значит, лишить объект его привилегии быть в бытии. Мы можем абстрагировать по какой-то части актуального свойства, которая допускает такое действие. Поэтому речь идёт об абстрагировании не по актуальному свойству (это противоречило бы определению последнего), а по одной из его компонент – по присущему свойству, по одной из граней того самого «многогранника» актуального свойства, о котором говорили выше.

Модусы объектов лишь показывают их бытие как для «Я», так и для Другого (Других) «здесь и сейчас» и/или «там и тогда» и больше ничего. Обозначая модус какого-то объекта, можем сказать относительно кого он имеет место (кем конституируется) и в какой местности бытия пребывает. Между тем для однозначного интендирования объекта этого недостаточно. Необходимо знать, как конституируется объект с актуальным свойством и модусом в заданном сегменте реальности. Вводятся (конституирующие) ограничения на модусы объекта. Во-первых, это тип конституирования объекта в сегменте реальности. Их всего четыре: «умозрение», «обсуждение», «наблюдение» и «эксперимент». Отличие эксперимента от наблюдения заключается в некотором воздействии на объект. Кроме того, он может быть повторён неограниченное число раз при сохранении тех же самых условий. (Кстати, Ю. Ф. Вилесов выделяет только три способа (типа) конституирования объекта: «созерцание», «наблюдение» и «эксперимент»[\[11\]](#)). Во-вторых, это состояние релятивной данности объекта по соответствующему свойству: объект в абстракции дан либо интенсионально, либо экстенсионально. Отметим, что идея релятивной данности объекта не нова. На позицию познающего субъекта «извне» или «изнутри» познаваемой ситуации указывает В. Ф. Лазарев в своей статье[\[12\]](#).

Нам нужно принять одну непреложную истину: любой объект, который мы наблюдаем или мыслим, в той или иной мере уже абстрактен. На это, кстати, указывает Ф. В. Лазарев в одной из своих ранних работ: «Объект, взятый в интервале, есть “абстрактный” (специфицированный) предмет как взаимное качество двух противоположных сторон – объекта и среды»[\[7, с. 7\]](#). Привычный для нас конкретный объект дан в видении, и мера абстракции для него будет минимальной. Она будет иметь место в конституировании невидимых элементов или при отвлечении от не воспринимаемых сразу свойств (например, веса, электропроводности и т. д.).

Абстрагирование для «Я» – Другого (Других) в местностях «здесь и сейчас» и «там и тогда». Абстрагирование для «Я» носит индивидуальный субъективный характер, а для Другого (Других) – объективный. В обсуждении традиционный процесс абстрагирования устраняет субъективность и делает его результат приемлемым для Другого (Других). Между тем абстрагирование может производиться не только Другим и

для Другого (Других), важен сам источник полагания – субъективное «Я». Абстрагирование, производимое отдельным «Я» (особенно, в гипотезировании, при создании теорий), во всех сегментах реальности: в умозрении, обсуждении, наблюдении и эксперименте, – может носить черты индивидуальности и своеобразия.

Субъект в сегменте реальности при конституировании объекта стоит на одной из позиций: либо ему дан объект в местности «здесь и сейчас», либо же он дан «там и тогда». Причём обе местности ограничены соответствующим сегментом реальности. Если местность «здесь и сейчас» предполагает как конкретное, так и абстрактное содержание, то местность «там и тогда» – только абстрактное, на это указывает А. В. Родин^[13, с. 65].

Когда о чём-то размышляем или беседуем с кем-то, мы так или иначе оперируем абстрактными сущностями – понятиями, представлениями. Разумно было бы сказать, что абстракции в ситуации (в со-бытии или в универсуме) даны «здесь и сейчас», раз мы с ними работаем в этой местности. Но как же тогда абстрактное в местности «там и тогда»? Ведь рассуждая о чём-то случившимся или данным когда-то и где-то, мы в любом случае ведём об этом речь «здесь и сейчас». Надо понимать, что говоря или рассуждая (или воображая) «здесь и сейчас» о чём-то имеющим место «там и тогда», мы оперируем с уже готовой абстракций, закреплённой в бытии (в воспоминании, в образе, в книгах и т. д.). А те абстракции, которые сами создаём в текущий момент, для нас даны «здесь и сейчас». Поэтому для абстракций констатация местности, в которой она размещена, указывает лишь на её бытие или становление. Итак, во-первых, для «Я» абстракции в местностях «здесь и сейчас» и «там и тогда» есть общепринятые или создаваемые вновь (становящиеся в гипотезировании, в воспоминании, в представлении). Во-вторых, для «Я» (особенно в умозрении) и для Другого (Других) абстракции становятся («здесь и сейчас» в обсуждении, в наблюдении или в эксперименте) или же они представляют собой уже общепринятые сущности («здесь и сейчас» и «там и тогда», это будут понятия, категории). И, наконец, в третьих, только для Другого (Других) абстракции есть уже готовые, общепринятые (в обсуждении, в наблюдении, в эксперименте «здесь и сейчас» и «там и тогда») сущности, но никак не становящиеся. С готовыми абстракциями остаётся только каким-то образом оперировать, в отличие от становящихся. В последнем случае, для того чтобы они стали общепринятыми, нужно ещё доказать, что они имеют место в бытии. Это характерно для математических изысканий. Поэтому в дальнейшем изложении не будем указывать, в какой местности абстракция размещена, равно как и сам её модус. Очевидно, что все абстракции даны для «Я» и/или для Другого (Других).

Абстрагирование и типы конституирования объектов. Типы конституирования мы обозначили выше. Это «умозрение», «обсуждение», «наблюдение» и «эксперимент». Естественно, в каждом из них абстрагирование производится по-разному. Наиболее очевидное проявление абстрагирования имеет место в умозрении (при составлении гипотез, а также при иных видах оперирования с понятиями, мысленными конструкциями и структурами) и в обсуждении, при котором роль понятий в коммуникации очевидна. В наблюдении и эксперименте абстрагирование менее заметно, но оно присутствует. Здесь следует само понятие абстрагирования несколько расширить. Это будет не только отвлечение от некоторых умозрительных или обсуждаемых свойств, но и отвлечение от наблюдаемых свойств или каких-то экспериментальных данных.

Абстрагирование в умозрении. Тривиальный вид абстрагирования, самый распространённый. Очевидно, что любая мысль бытийствует только в форме абстракции. Мысленное внимание сосредотачивается на каком-то одном аспекте мыслимого в

представлении или воображении.

Абстрагирование в обсуждении. Абстракция в обсуждаемых вопросах имеет место повсюду. Обсуждение само по себе есть оперирование абстрактными формами – понятиями. Последние проявляют себя в коммуникации между «Я» и Другими (в том числе в умозрении, когда «Я» формулирует свои положения в понятиях для Другого (Других)). Имеет место при описании каких-либо исторических событий, в этом случае историк («Я») повествует для Другого (Других) о событиях, используя понятия, общепринятые термины. То же самое относится и к категориям.

Абстрагирование в наблюдении. Увиденный объект достраивается до целого в акте внимания. При этом отвлекаемся от невидимых связей и отношений с другими объектами, считаем видимый объект ужеенным в целом, как существующий самостоятельно. Имеет место, например, в видении куба: происходит его мысленное достраивание до целого, когда видны только передние его грани. Это одна из форм абстракции в наблюдении. В самом восприятии предметов реального мира уже происходит их абстрагирование^[18]. В литературе абстрагирование в видении обычно определяется как категоризация (М. Хайдеггер^[14, с. 66-67], Дж. Лакофф^[15, с. 20]), гештальтное восприятие^[15, с. 252] или как акты мышления в когнитивной психологии (У. Матурана^[16]). «...Такая процедура совершается фактически в самом акте наблюдения как своеобразная “естественная *εποχή*”: это редукция сущего к априорным пространственно-временным характеристикам его восприятия. Однако эта редукция сущего к явлению означает необходимость сознательного “достраивания” его до его полного понятия»^[17]. Например, когда мы видим красный предмет, мы уже относим одну из его характеристик (цвет) к категории, и происходит это уже в самом видении. Такая процедура относится к любому наблюдаемому предмету.

Все наши полагания о предмете основаны на видимых свойствах: его форме, цвете, материала, из которого он сделан, и т. д. В видении абстрагируемся от явно невидимых свойств, например, от тяжести предмета: можем лишь предполагать, в какой мере предмет тяжёлый или лёгкий. Для того чтобы это свойство стало конкретным, надо взять предмет в руки. В акте видения в рамках естественных установок конституирование и абстрагирование предметов сливаются в один акт. Мы отвлекаемся от каких-то невидимых и неочевидных свойств в силу наших физиологических и психических возможностей. Если бы глаз, кроме восприятия очевидного и естественного, видел бы ёщё, например, электропроводность обыденных предметов, то это свойство в акте видения стало бы очевидным.

Абстрагирование в эксперименте. В ходе поставленного эксперимента происходит выделение (измерение) какого-то одного эффекта, тогда как другие (побочные) эффекты в расчёт не принимаются, игнорируются. Основывается, как указывает М. М. Новосёлов, на двух видах абстракции: изолирующей (выделение круга вопросов, на которые даёт ответ эксперимент, а также задание его начальных условий) и абстракции неразличимости, обусловленной точностью приборов (параметры изучаемых объектов должны быть в пределах точности применяемых приборов измерения)^[4, с. 70].

Как видим, абстракции имеют место в той или иной форме в каждом типе конституирования объектов как в умозрении и обсуждении, так и в наблюдении и эксперименте.

Релятивность в абстрагировании. Конституируемый объект дан субъекту в акте

внимания либо интенсионально, либо экстенсионально, соответственно, субъект мыслит своё присутствие либо «внутри», либо «снаружи» интервала абстракции по соответствующему свойству (признаку) конституируемого объекта. Интервал абстракции также может быть определён через релятивные состояния данности. Ситуация и контекст – это два релятивных состояния данности одного объекта, собственно ситуации. Проблема (поставленная задача) – это «внутренность» со-бытия, дана интенсионально. А концепт – экстенсиональная данность со-бытия. Аналогично мир субъекта (в смысле А. В. Родина^[18]) и универсум (мыслимый в целом, "извне") – два релятивных состояния данности универсума. Первый дан интенсионально, второй – экстенсионально. Во всех случаях актуальное свойство – «иметь познавательную позицию».

Актуальное свойство определено до той меры, при которой его раскрытия вполне достаточно для адекватного определения объекта (или класса объектов). Оно фундирует вписанность объекта в сегмент реальности. На практике это выражается в адекватной его применимости (значении). В каждом из указанных выше трёх видов сегмента реальности актуальное свойство объекта дано в двух взаимосвязанных (взаимодополняющих друг друга) частях:

1. его содержание и
2. тот регион бытия, в котором оно раскрывается в акте внимания в части вписанности-встроенности с его «многогранником» актуального свойства для «Я», Другого или Других. Применительно к абстрагированию выделяем лишь какой-то один признак (присущее свойство) – одну из граней «многогранника» актуального свойства.

В соответствии с этим абстрагирование объекта по присущему свойству может быть произведено либо по содержанию в рамках своего сегмента, либо по тому региону бытия, к которому объект с этим свойством относится. В первом случае это будет абстрагирование, уже известное в традиционной логике. Во втором случае, абстрагирование производится в аспекте участия указанного свойства в бытии объекта в соответствующем сегменте реальности. Таким образом, абстрагирование объекта может быть произведено с двух сторон. Во-первых, традиционно (отвлечение от второстепенных свойств, это абстрагирование по содержанию, «внутреннее» абстрагирование). И, во-вторых, с учётом взаимосвязи с целым (сегментом реальности) как выявление значения присущего свойства для «тут-бытия» объекта (абстрагирование во вмещающем целом, «внешнее» абстрагирование). В зависимости от «размера» сегмента реальности различаем три формы абстракции объекта: 1. «объект сам по себе»-«объект в контексте» (в ситуации), 2. «понятие»-«концепт» (в со-бытии) и 3. «объект вообще» с качеством или своеобразием своего присутствия в универсуме. Все три формы имеют два разных способа манифестиации, зависящие от актуального свойства, – это «внешнее» и «внутреннее» абстрагирование.

Абстрагирование в сегментах реальности

Абстрагирование в ситуации. Абстрагированным будет уже конкретный объект в ситуации. В самом деле, конкретный объект – тот, который в акте внимания никаким действиям с нашей стороны не подвержен. Напротив, любое действие с ним (выбор из множества подобных, перемещение, даже обычное видение и т. д.) уже делает его абстрагированным от каких-то свойств. Поэтому абстрагирование присутствует в опыте на самом минимальном уровне как действие с конкретными объектами. Вот лежит камень, это конкретный предмет. Я беру и бросаю его. Брошенный камень уже в какой-то степени есть для меня абстрактный объект. Я не знаю ни его точного местоположения в

пространстве в какой-то момент времени, ни его скорости и т. д. Когда подхожу к двери и пытаюсь её открыть, я не вижу её противоположной стороны, но могу лишь предположить, какова она с той стороны. Что это как ни абстрагирование в своей минимальной степени? Абстрагирование в ситуации характерно для типов конституирования: «наблюдение» и «эксперимент».

В аспекте релятивности абстракция в ситуации строится следующим образом. «Внутреннее» (интенсиональное) абстрагирование производится как выделение одного свойства и игнорирование всех других в акте внимания. Например, субъекту («Я») дан объект «красный резиновый мяч». Абстрагирование по свойству «быть резиновым» даёт объект «красный мяч». «Внешнее» (экстенсиональное) абстрагирование по этому же свойству производится как выяснение значение этого свойства в заданном контексте. Такое абстрагирование даёт объект «красный мяч, который может быть резиновым».

В этом сегменте реальности дана *абстракция конструктивизации*, заключающаяся в фиксации развивающегося бытия в каком-то одном фрагменте, в ситуации. При этом отвлекаются от связей и отношений с другими объектами в изучаемом фрагменте бытия [19, с. 26]. Применяется с целью отсечения изучаемого объекта от имеющихся в ситуации связей и отношений с какими-то другими объектами в окружающей среде. Такая абстракция дана экстенсионально. Здесь субъекту необходимо отвлечься от внешних связей, но он подразумевает бытие иных объектов за пределами указанной ситуации.

Абстрагирование в со-бытии. Со-бытие состоит хотя бы из двух предметно связанных ситуаций. В первой объект дан такой, какой есть. В другой – абстракция, объект, у которого некоторые свойства в «многограннике» свойств мысленно удалены. Но такой случай встречается редко. Чаще всего в мыслительной деятельности при решении какой-то задачи мы не ограничиваемся только двумя фиксированными ситуациями. Могут иметь место и какие-то промежуточные ситуации.

Если со-бытие состоит из ситуаций, в каждой из которых хотя бы потенциально (со слабым модусом) дан объект, принадлежащий к какому-то классу однотипных объектов, то абстрагирование в этом случае приводит к *абстракции отождествления*. Вместо того чтобы рассматривать класс однородных объектов, мы рассматриваем один объект с уже абстрагированным в нём свойством, под которое подпадают все объекты интересующего нас класса. Такой объект представляет собой завершённое целое – понятие. При этом «мы абстрагируемся не только от всех свойств предметов за исключением указанных и от самих материальных носителей предметов, но и от принципиальной невозможности осуществить такие предметы (в действительности существуют «длинные ноги», «длинные ногти», но не существует длин как особых предметов)» [19, с. 35]. Очевидно, что абстракция подобного рода дана интенсионально. В рамках со-бытия познающий субъект не обращается к внешним объектам, бытие которых подразумевается. Он мысленно «присутствует» в изучаемом классе однотипных объектов. Если определён класс эквивалентности, то тем самым определён и соответствующий этому классу абстрактный объект с общим свойством [7, с. 19].

Заметим, что абстрагирование проявляется в со-бытии при переходе от наблюдения (или эксперимента) к обсуждению, ведь увиденное и зафиксированное обсуждается только с помощью понятий.

В этом же сегменте реальности дана *абстракция изолирующая*. Она «приводит к образованию так называемых «абстрактных предметов» («белизна», «фасад»,

“эластичность”, “твёрдость” и т. п.»[\[19, с. 25\]](#)). Этот вид абстракции, как пишет Ф. В. Лазарев[\[12\]](#), появляется уже на этапе конституирования субъектом необходимого интервала абстракции (нетрудно видеть, что он совпадает с сегментом реальности). Производится в со-бытии, совокупности ситуаций, в которой абстрагируемый объект связан с какими-то другими объектами. Поэтому изолирующая абстракция дана экстенсионально. Д. П. Горский указывает на то, что изолирующую абстракцию «можно рассматривать как вид абстракции отождествления. Однако здесь имеется и новый по сравнению с абстракцией отождествления момент, а именно – процесс “опредмечивания” отвлекаемых свойств и отношений: они начинают рассматриваться как некоторые “абстрактные предметы”, отделенные от их материальных носителей. Поэтому данный вид абстракции выделяется как самостоятельный»[\[19, с. 25\]](#). Применительно к научному познанию, В. С. Стёpin приводит такой пример изолирующей абстракции. «...Инерциальная пространственно-временная система отсчета ...представляет собой идеализированный объект». Она «может быть отождествлена... с реальной физической лабораторией с часами и линейками, но при условии, что такая лаборатория наделена рядом реально несуществующих признаков. Предполагается, что ее можно полностью изолировать от внешних воздействий (признак инерциальности). Предполагается далее, что можно пренебречь воздействием измеряемых тел на часы и линейки лаборатории»[\[20, с. 105-106\]](#).

Релятивная данность абстракции в со-бытии проявляет себя следующим образом. Используем предыдущий пример. Субъект видит играющих детей с красным резиновым мячом. «Внутреннее» абстрагирование объекта «красный резиновый мяч» по свойству «быть резиновым» приводит к понятию «красный мяч» (в поставленной задаче, проблеме, в данном случае игре в мяч). «Внешнее» абстрагирование по этому же самому свойству даёт концепт «красный мяч», который вписан в некое системное целое. Такая вписанность предполагает следующие аспекты: назначение красного мяча, способы его использования, правила игры, меры безопасности и т. д.

Применительно к понятию поясним следующее. Как абстракция, оно имеет два релятивных состояния данности в со-бытии: собственно, понятие, обобщающее в себе какое-то внутреннее присущее свойство для однотипных объектов, и концепт, указывающий на связь с другими объектами из этого же класса. Такой класс объектов выражается в одном своём типичном элементе, конституируемом как элемент класса. Первое получено в ходе «внутреннего» абстрагирования (как характеристическое свойство), второе – в ходе «внешнего» (как элемент класса).

Абстрагирование в универсуме. Понятие – это результат абстракции (отождествления) класса объектов, имеющих какое-то одно характеризующее их свойство. Следует различать понятие и категорию. Первое дано как результат абстрагирования ограниченного числа однородных объектов по какому-то общему для них признаку (свойству), например, столица государства (число столиц на нашей планете ограничено). Второй термин дан как результат абстрагирования (обобщения) потенциально неограниченного объекта (например, необходимость, бытие и т. д.). Здесь не будем различать общие и единичные понятия – это тема для отдельной статьи.

В универсуме имеют место абстракция бесконечности и абстракция потенциальной осуществимости. В первой абстрагируется бесконечный объект: он рассматривается как конечный. «Такая абстракция дает нам возможность бесконечное рассматривать как “актуально” данное, как конечное и применять ...все законы формальной логики, выявленные в результате оперирования с конечным»[\[19, с. 30\]](#). Дано интенсионально по

свойству, описывающему бесконечность изучаемого объекта. При этом производится ограничение свойства «быть бесконечным» в пределах универсума. Второй вид абстракции производится для недопущения бесконечного числа операций. Здесь абстрагируются от внешних условий, порождающих бесконечность. Имеет место в универсуме, в котором возможно бытие потенциально бесконечных объектов. Дано экстенсионально по свойству, порождающему бесконечную итерацию. «Эта абстракция предполагает, что осуществив некоторое конечное число индивидуализации элементов какого-либо множества, мы можем всегда осуществить еще одну индивидуализацию элемента рассматриваемого множества»[\[19, с. 30\]](#).

Возвращаясь к нашему примеру, выявим релятивную данность абстракций в универсуме. «Внутреннее» абстрагирование объекта «красный резиновый мяч» по свойству «быть резиновым» даёт объект с качеством «быть красным мячом» (в мире познающего субъекта без каких-либо аспектов применимости). «Внешнее» абстрагирование по этому же свойству даёт объект, способом бытия которого в универсуме является его значение как «красно-мячность» в бытии. Эта самая «красно-мячность» создаёт некое своеобразие присутствия в универсуме. Итак, в нашем случае объект с качеством «быть красным мячом» и объект, присутствующий как «красно-мячность» в очерченном нами регионе бытия, – это две разные формы абстракции в универсуме.

Абстрагирование и идеализация – две стороны одного процесса. В логике абстрагирование объекта предполагает молчаливое игнорирование второстепенных свойств. А идеализация, напротив, предполагает приписывание какого-то значения определённому свойству (формой идеализации являются такие объекты, как «идеальный газ», «материальная точка» и т. д.). Между тем такая формулировка в свете того, что сказано выше, становится не совсем верной. Абстракция и идеализация – это два релятивных друг другу состояния данности некоторого объекта, о котором известно лишь, что он определяется актуальным свойством «выделить-отвлечься от...». Соответственно, интенсиональная данность этого объекта есть абстрагирование, как отвлечение от каких-то присущих объекту свойств («внутреннее» абстрагирование). А идеализация – это экстенсиональная данность этого же объекта. Некоторый признак берётся извне, происходит отвлечение от свойств, связей и отношений, связывающих идеализируемый объект с внешним окружением в исследуемом сегменте реальности). Это будет "внешнее" абстрагирование. Таким образом, считаем абстракцию и идеализацию двумя сторонами одного процесса.

Заключение. В свете развитого здесь модусного представления данности абстрактного объекта естественным образом стирается грань между материальными и абстрактными объектами. Все объекты бытийствуют в той или иной мере, только одни из них имеют место с сильным модусом (могут быть идентифицированы в непосредственном восприятии), другие же объекты – с более слабым модусом (традиционно именно к ним то и относятся абстрактные объекты). Мы расширили само понятие абстрагирования. Абстрагированию подлежат не только умозрительные и обсуждаемые объекты, но и наблюдаемые или получаемые в эксперименте. Нет никакого разделения на существующие и абстрактные объекты. Есть только одно: бытие объектов с какими-то модусами и ограничениями на их конституирование в ситуации, в со-бытии или в универсуме. В самом деле, какое может быть различие между объектами «вот это яблоко» и «яблоко», о котором идёт речь в повелительном высказывании «возьми яблоко иди к нам»? В первом случае речь идёт, казалось бы, о конкретном яблоке, а во втором – из высказывания не ясно о каком именно яблоке идёт речь (оно определено как понятие, а где оно находится, не указано). И это яблоко в ситуации (или в со-бытии)

может быть таким же конкретным, как и абстрактным.

В модусном представлении граница между конкретными и абстрактными объектами нечёткая, её фактически нет. Она определяется лишь посредством меры абстракции. Такая граница устанавливается познающим субъектом, своим процессом познания вмешивающимся в порядок бытия изучаемых объектов. Только наше собственное познание с его ограничениями в конституировании наделяет объект мерой абстракции: быть предмету реальным конкретным или абстрактным, воображаемым. Везде бытийствуют объекты, которым наше сознание приписывает какую-то меру абстракции, чтобы отделить «тут-бытие» от «там-бытия». Кроме того, из модусного представления вытекает, что любой объект уже дан познающему субъекту в некотором абстрагированном виде в большой (это будут понятия) или в малой степени (конкретные реальные объекты). Здесь говорим не о существовании (как об очень жёстком требовании к предметам), а о бытии объектов, которым уже присуще быть абстрактными в какой-то мере. Если мы откажемся от термина «существование» и будем использовать более общий термин «бытие» (объектов), то никакого спора между номиналистами и реалистами не будет – все объекты бытийствуют в какой-то мере.

Объект «движущийся поезд» в фильме абстрактен, а объект «движущийся рядом со мною поезд» – это уже конкретный объект. Возникает вопрос: неужели моя боязнь попасть под движущийся поезд определяется только мерой абстракции этого объекта? На конституируемый предмет (в какой-то мере уже абстрактный) налагаются ограничения, связанные с естественными установками. Они обусловлены знаниями субъекта, его мировоззрением, предубеждениями, моральными устоями, заботой о себе и т. д. Такие граничные условия проявляют себя в каждой ситуации, в каждом со-бытии или вообще в универсуме. Итак, с модусно-феноменологической точки зрения между абстрактными и конкретными объектами нет различия. Всё, что мыслится, обсуждается, наблюдается, измеряется, – всё это объекты с какими-то свойствами, актуализированными в соответствующем сегменте реальности. Они даны в каком-то модусе и с какой-то мерой абстракции как с сильным модусом (конкретные объекты), так и со слабым (в какой-то мере абстрактные объекты). На вопрос о том, существуют ли абстракции, ответим коротко: они даны для «Я» и/или Другого (Других) «здесь и сейчас» или «там и тогда» в той или иной мере, как и любой другой объект.

Библиография

1. Розен Г. Абстрактные объекты // Стэнфордская философская энциклопедия / Под ред. Д. Б. Волкова, В. В. Васильева, М. О. Кедровой. http://philosophy.ru/abstract_objects/.
2. Катречко С. Л. Трансцендентальный анализ математики: конструктивный характер математической деятельности // Кантовский сборник. 2016. №1(55). С. 16-33. doi: 10.5922/0207-6918-2016-1-2.
3. Уайтхед А. Н. Наука и современный мир // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / Общ. ред. и вступ. статья М. А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. С. 56-272.
4. Новосёлов М. М. Логика абстракции (методологический анализ). Часть 1; М.: ИФРАН, 2000.
5. Целищев В. В. Онтология математики: объекты и структуры; Новосибирск: Нонпарель, 2003.
6. Бажанов В. А. Абстрагирование и абстракции в оптике нейронауки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 6-18. doi: <https://doi.org/10.5840/eps202158222>.

7. Лазарев Ф. В. О природе научных абстракций; М.: Знание, 1971.
8. Лазарев Ф. В. Абстрагирование и смыслообразование: конструктивные основания // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Том 3(69). №1. С. 23-34.
9. Витгенштейн Л. Голубая книга; М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
10. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009.
11. Вилесов Ю. Ф. Онтологические и гносеологические основания абстракции // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. Вып. №3. С. 22-25.
12. Лазарев Ф. В. Интервальная методология: логики становления, базовые концепты и методы // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. Т. 2 (68). №3. С. 135-148.
13. Родин А. В. Об условности истины и локальности блага // Благо и истина: Классические и неклассические регулятивы. М.: ИФРАН, 1998. С. 48-70.
14. Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени; Томск: Водолей, 1998.
15. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении; М.: Языки славянской культуры, 2004.
16. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 95-142.
17. Комаров С. В., Лумпова М. А. Неклассический субъект видения. Часть I // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 179-190. doi: 10.17072/2078-7898/2021-2-179-190
18. Родин А. В. Идея внутренней геометрии // Математика и опыт. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 502-531.
19. Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий; М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
20. Степин В. С. Теоретическое знание; М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи возвращается к старому философскому и логическому вопросу о природе абстракций и даже, если ориентироваться на название статьи, обещает высказаться о их «существовании» (онтологическом статусе). Название статьи, впрочем, трудно назвать удачным. Правда, выражение «к вопросу» можно назвать уместным, поскольку автор активно использует материалы прежних дискуссий, как бы встраивая свою точку зрения в давно ведущиеся споры, но, во первых, именно о «существовании» в статье речи всё-таки не идёт, а во-вторых, автор в процессе обсуждения затронутой проблемы обращается только к одному из подходов, а именно, к подходу, ориентирующемуся на принципы формальной логики. Традиция теоретической философии (прежде всего, немецкий идеализм) во внимание совершенно не принимается. Конечно, автор имеет полное право обращаться к той литературе, которая представляется ему значимой, но тогда, как минимум, указание на границы избранного подхода следует отразить и в названии. Однако, думается, для отечественного читателя (не ограничивающегося формальной логикой) странно видеть статью о понятии

абстрактного, в которой нет упоминания ни о Гегеле, ни о Марксе. Тем не менее, в статье представлено некоторое содержание, которое может быть признано оригинальной точкой зрения на заявленную проблему. Сам автор называет его «модусным представлением данности абстрактного объекта». Характеристика абстрактности (и, соответственно, мера его реальности или «существования») определяется в зависимости от частоты и «надёжности» появления возможного объекта в опыте. На взгляд рецензента, подобное понимание, во-первых, является крайне неопределенным (и, таким образом, само должно быть охарактеризовано как абстрактное в классическом смысле), а во-вторых, его трудно признать собственно философским, поскольку оно ориентируется на критерии обыденного сознания (впрочем, и формальная логика в целом не выходит за его границы). Вчитаемся в следующий выразительный фрагмент, который отражает самое существенное содержание статьи: «...мера существования объекта в ситуации определяется его модусом. Чем больше свидетелей («Я» и/или Другого (Других)) фиксируют бытие объекта (больше направленных на него актов внимания), тем мера существования этого объекта больше (он более очевиден). Соответственно, чем меньше таких свидетелей, тем и мера его существования будет меньше, он менее очевиден или вовсе не очевиден. Например, Луна для всех очевидна, миллиарды людей видят её как днём, так и ночью. А НЛО, о котором многие говорят, очевиден лишь для тех, кто непосредственно видел это явление. Мера существования НЛО очень мала и его бытие характеризуется в промежутке от возможности до полного отрицания. В первом случае говорим о сильном модусе объекта («Луна»), во втором случае – о слабом (объект «НЛО»).» Повторим, нет оснований считать подобный подход недопустимым, но решает ли он какие-либо существенные проблемы, доставшиеся нам вместе с понятиями «конкретного» и «абстрактного» от классической философии? Заметим ещё, что уже из этого фрагмента понятно (и эта мысль не раз повторяется), что природа «существования» в таком подходе как раз и не рассматривается, речь идёт лишь о появлении (в сознании наблюдателя) того или иного предмета («идеи» в терминологии Локка или Беркли), который правомерно именовать «не сущим», если вероятность этого события стремится к нулю. Высказанные замечания, впрочем, не являются препятствием для публикации статьи. В ней присутствует некоторое оригинальное содержание, которое может быть интересно читателю, и отрицательная оценка рецензентом представленного подхода может быть связана также и с различием круга интересов и «эрудиции» (в старом смысле) автора и рецензента. Однако до публикации статьи необходимо исправить опечатки (например, неправильно отражена фамилия М.А. Кисселя), стилистические погрешности («...который отражает те границы, в пределах которых категория...» и т.п.), а также многочисленные пунктуационные ошибки. Рекомендую статью к публикации в научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Грибков А.А. Творчество как имплементация представления о целостности мира // Философская мысль. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.3.70034 EDN: ATWDXF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70034

Творчество как имплементация представления о целостности мира

Грибков Андрей Армович

ORCID: 0000-0002-9734-105X

доктор технических наук

ведущий научный сотрудник, НПК "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, Зеленоград, площадь Шокина, 1, строение 7

✉ andarmo@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.3.70034

EDN:

ATWDXF

Дата направления статьи в редакцию:

03-03-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию областей реализации творческой деятельности, обоснованию возможности творчества как процесса созидания качественно новых ценностей, механизмов творчества, главным из которых является интуиция. Одним из ключевых вопросов, от ответа на который зависит возможность объяснения творчества, является выбор детерминистического или иррационального представления мира. Если исходить из представления об иррациональности мироздания, то никакого объяснения интуиции нет и не предполагается. Если мир детерминирован, то возможно объяснение механизма интуиции. Согласно этому объяснению в основе интуиции лежит использование изоморфизма, проявляющегося в виде возможности использования для познания принципа подобия. Автор делает аргументированный выбор в пользу детерминистического представления мира, в рамках которого интуиция, а, значит, и творчество, получают адекватное объяснение. В основу методологии исследования в данной статье положено представление о творчестве как процессе, проявляющемся в виде интуиции, посредством которого разумом достигаются области

миропонимания, недоступные рассудку, основанному на репродуктивном мышлении. В результате проведенных исследований автором установлена ключевая роль интуиции в творчестве. Интуиция, в свою очередь, является следствием изоморфизма форм и законов в различных предметных областях, на разных уровнях мироздания. Обобщение использования изоморфизма на практике имеет вид принципа подобия или аналогий. Способность человека к интуиции является результатом его мультисистемной интеграции во множество систем: физический и биологический мир, социальную и культурную среду, систему профессиональных знаний и отношений и т.д. В каждой из этих систем человек черпает шаблоны форм и отношений элементов внутри целого, законы и свойства, а затем транслирует эти шаблоны, законы и свойства между системами. Представление целостности мира является императивом (требованием к форме и содержанию) творчества. С другой стороны, творчество является незаменимым инструментом созидания целостного представления мира. В силу определяющих его внутренних механизмов, все то ценное, что рождает творчество, становится частью целостного мира. Можно констатировать, что в процессе творчества имплементируется (воспроизводится и используется в качестве инструмента) представление о его целостности.

Ключевые слова:

творчество, интуиция, детерминизм, иррационализм, подобие, изоморфизм, мультисистемная интеграция, паттерны, целостность, имплементация

Введение. Одним из наиболее значимых инструментов формирования системы знаний и культуры человечества в целом является творчество – процесс деятельности, в результате которого создаются качественно новые ценности: материальные (техническое творчество), интеллектуальные (в виде новых знаний; научное творчество), духовные (художественное творчество) или общественные (социальное творчество – способность творить ситуацию, устанавливать высокоэффективные отношения, побуждающие к осознанию человеком себя как ценности в глазах другого человека [\[1, с. 279\]](#)).

В основе творчества лежит творческое мышление – вид мышления, характеризующийся созданием субъективно нового продукта и новообразованиями в самой познавательной деятельности по его созданию. Следует отличать творческое мышление от репродуктивного, основанного на использовании исключительно готовых знаний и умений [\[1, с. 66\]](#).

Творческое мышление также может быть определено как решение творческих задач. В научно-технической сфере творческая задача – это такая, «для решения которой до сих пор нет общепринятых правил и положений, определяющих точную программу ее решения» [\[2, с. 39-40\]](#).

Каким образом в процессе творчества удается создавать что-то качественно новое, такое, чего еще не было, для которого нет готовых рецептов? На данный вопрос, которому посвящена данная статья, возможны всего два варианта ответа, выбор из которых зависит от того, является ли мир рациональным (детерминированным) или иррациональным.

Существуют области миропонимания, недоступные рассудку, определяющему способность к систематизации и использованию существующего знания, т.е.

основанному на репродуктивном мышлении. Указанные области миропонимания достигаются разумом в процессе творчества через интуицию, проявляющуюся в виде озарения [\[3\]](#) и прозрения. В рамках детерминизма предпринимается попытка дать логическое объяснение интуиции, в рамках иррационализма ей придается иррациональное содержание и никакое объяснение не предполагается.

Выбор детерминистического или иррационального представления мира может быть аргументирован в рамках двух методологических подходов.

Первый подход основан на критическом осмыслении иррационализма: «Почему мир может быть непознаваемым научными методами?». В контексте материалистического представления бытия причина непознаваемости может быть только одна – бесконечная качественная сложность мира. Однако бесконечная качественная сложность мира требует его бесконечной количественной сложности в пределах локальной области бытия (локальной, потому что количественная бесконечность бытия (мироздания) выше определенного масштаба может сводится к «дурной» бесконечности, в которой расширение познаваемой системы не влечет за собой появления новых качеств). Бесконечная количественная сложность в пределах локальной области бытия означает бесконечную делимость материи (континуальность материального бытия). Между тем, исследования автора [\[4\]](#) однозначно показали, что единственным возможным ответом на вопрос об исчисляемости материального бытия является существование предела делимости материи. В других случаях (неделимости или бесконечной делимости материи) движение материи невозможно из-за отсутствия частей бытия, которые могли бы двигаться относительно друг друга.

Конечная качественная (а, значит, и локальная количественная) сложность бытия следует также из существования изоморфизмов – явления подобия форм и законов в различных предметных областях, на разных уровнях организации материи. Более того, существование изоморфизмов показывает, что сложность мира не только не бесконечна, но и является ограниченной, охватываемой сравнительно небольшим набором паттернов (шаблонов форм и отношений объектов) [\[5\]](#) и вторичных законов и свойств, устанавливаемых по результатам обобщения наблюдений реального мира без определения обуславливающих их внутренних механизмов и генезиса [\[6, 7\]](#).

Итак, размышления привели нас к тому, что мир имеет конечную сложность и познаваем. Следовательно, недоступность отдельных областей миропонимания рассудку не является подтверждением иррационализма, а свидетельствует лишь об ограниченности имеющихся знаний в любой исторический период, т.е. историзме знаний. При этом всегда остается возможным более или менее достоверное детерминистическое представление мира, а значит и выявление механизма интуиции.

Второй подход к выбору детерминистического или иррационального представления мира основан на том, что иррационализм не предлагает (и не предполагает) никакого объяснения интуиции. В результате, если в рамках детерминизма интуиции будет найдено адекватное объяснение, то правильным ответом на вопрос о продуктивности творчества будет объяснение в рамках представления о детерминированном мире.

Интуиция, творчество и целостность мира. Интуиция – явление внезапного (в виде озарения), достаточно полного и отчетливого постижения искомого результата при неосознанности и неподконтрольности путей, ведущих к этому решению [\[8\]](#). Частным случаем озарения является прозрение – внезапное просветление мысли; проникновение

в сущность чего-либо, предвидение.

«Предметы мысли находятся в чувственно постигаемых формах», – писал Аристотель [\[9, т. 1, с. 405\]](#). Согласно Джону Локку «Все идеи приходят от ощущения или рефлексии» [\[10, том 1, с. 154\]](#), «Под рефлексией... я подразумеваю то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают идеи этой деятельности» [\[10, том 3, с. 155\]](#). Если Аристотель и Локк правы, то это означает, что интуиция тоже должна рождаться из чувственного опыта. Поскольку интуиция выходит за пределы возможностей рассудка, то этот опыт, вероятно, не относится к области проявления интуиции (например, какой-либо области знаний или искусства), а, значит, в основе его применения лежит использование принципа подобия. Дж. Релей писал: «Я часто удивляюсь тому незначительному вниманию, которое уделяется великому принципу «подобия» даже со стороны крупных ученых... Нередко случается, что результаты кропотливых исследований преподносятся как вновь открытые «законы», которые, тем не менее, можно было получить априорно в течение нескольких минут» [\[11\]](#). В зависимости от степени подобия различают: аналогию (схожесть отдельных черт, проявлений объектов познания), гомоморфизм (подобие форм и законов) и изоморфизма (идентичность форм и законов).

Способность обнаруживать и использовать изоморфизм и другие степени подобия – природная способность людей, внешне проявляющаяся в виде интуиции. Происхождение этой способности, которой в большей или меньшей степени обладают все люди, связано с мультисистемной интеграцией [\[12\]](#) человека во множество систем: физический и биологический мир, социальную и культурную среду, систему профессиональных знаний и отношений и т.д. В каждой из этих систем действуют закономерности, которые могут транслироваться в процессе (трансдуктивного) мышления в другие системы, а также систематизироваться (осознанно или неосознанно) в сознании человека в паттерны и вторичные законы.

Механизм мультисистемной интеграции объединяет в человеческом сознании различные предметные области, сферы деятельности, уровни мироздания, т.е. формирует некоторую, вероятно, неполную и не всегда достоверную, но целостную модель мироздания. Обладание этой моделью дает человеку обобщенное знание об устройстве мира, осмысленное или чувственное понимание, как могут быть связаны объекты и явления в мире, что возможно (потому что имеет какой-то, пусть и отдаленный аналог), а что не вписывается в логику мироздания, прослеживаемую в практике познания.

Творчество (научное, техническое, социальное), решающее задачу обобщения и формализации связей объектов познания, безусловно требует широкого применения трансдукции – умозаключений, в которых посылки и выводы являются суждениями одинаковой степени общности. Важнейшим для познания частным случаем трансдукции является аналогия, порождаемая изоморфизмом форм и законов мироздания, в свою очередь, являющейся подтверждением возможности целостного его представления. Следовательно, можно констатировать, что в процессе творчества, связанного с познанием мира, имплементируется (воспроизводится и используется в качестве инструмента) представление о его целостности.

Художественное творчество [\[13\]](#) в значительной своей части также посвящено познанию мира. Живопись, ваяние и музыка служат чувственному осмысливанию всех составляющих мироздания – от физического мира и мира живой природы до всего спектра человеческих эмоций: любви, сострадания, страсти, умиротворения и др. Литература и

связанные с ней виды художественного творчества (театр, кинематограф и др.) служат описанию и раскрытию механизмов общественных и межличностных отношений.

Роль художественного творчества, однако, не сводится к исключительно познавательной. Художественное творчество способно рождать также новые формы и связи, новые, ранее не существовавшие объекты. Эти объекты могут быть как виртуальными, т.е. существующими лишь в сознании, так и материальными, воплощенными в виде художественных продуктов: картин, скульптур, зданий и т.д. Следует заметить, что способность к созиданию новых, ранее не существовавших объектов, присуща не только художественному творчеству, но и научному, техническому и социальному, однако наиболее выраженно она проявляется именно в случае художественного творчества. Поэтому рассмотрим эту способность к созиданию применительно к художественному творчеству.

Генезис и ценность творчества. В контексте практики художественного творчества возникают фундаментальные вопросы, определяющий генезис и ценность творчества: «Существуют ли какие-либо ограничения для результата творчества?», «Имеются ли объективные критерии для определения творческого продукта, обладающего художественной ценностью?».

Объективные ограничения для результатов творчества, вне всякого сомнения, существуют. В частности, эти ограничения могут быть связаны с контекстом творчества: «Ученый при разработке теорий и гипотез не может игнорировать физических законов, философ – закономерностей развития человеческого общества и динамики взаимоотношения его членов, писатель – этических норм поведения людей на данном историческом этапе и особенностей эволюции человечества...» [\[14\]](#).

В более общем виде эти ограничения сводятся к необходимости корреляции результатов творчества с логикой мироздания, находящей свое выражение в паттернах форм и отношений объектов, а также выявляемых на практике законах и свойствах объектов. Эта корреляция обусловлена не какими-то запретами, а связана с невозможностью восприятия человеком иных (отсутствующих в окружающем нас мире) форм, связей и зависимостей – они для человека противоестественны и чужды. Попытки навязать их человеку подобны принудительному кормлению продуктами, содержащими вещества, не усваиваемые человеческим организмом. С другой стороны, встречая в художественном творении отзвуки знакомых нам форм и законов мира (возможно из совсем иных, отдаленных областей знаний), мы ощущаем неосознанное доверие. В этом случае мы видим в результате творчества художественную правду.

Способность человека к фиксации подобия форм, законов, логики организации выходит далеко за пределы доступного в настоящее время аналитического знания. В некоторых случаях, например, в области архитектуры и музыки, мы на чувственном уровне воспринимаем гармоническое соответствие результатов творчества формам и законам мироздания. Иногда математика (вкупе с психологией) способна объяснить эту гармонию, однако нам для ощущения художественной правды (в том числе архитектурных творений и музыкальных произведений) объяснения не требуются.

Второй из поставленных нами вопросов (о степени художественной ценности результата творчества) не менее сложен. С одной стороны, однозначное определение степени художественной ценности результата творчества – задача, очевидно, не имеющая адекватного решения, поскольку существенную роль в решении такой задачи имели бы субъективные предпочтения, альтернативность подходов к определению цели творчества

и другие выбранные критерии оценки. С другой стороны, понятие ценности, в том числе художественной ценности результата творчества, не может рассматриваться в отрыве от его полезности. Полезность, в свою очередь, – это способность удовлетворять какую-либо человеческую потребность. Полезность результата художественного творчества заключается в том, чтобы удовлетворять духовные (интеллектуальные) потребности человека.

Должно ли творчество нести всегда лишь добро и красоту? Необязательно, ведь наша жизнь включает в себя все многообразие мира, в том числе боль, отвращение, разрушение и уродство. Однако, как мы уже констатировали, говоря о существующих ограничениях творчества, все, что мы потребляем, должно быть годным к употреблению, т.е. образовываться по допустимым в мире формам и законам и существовать в пределах логики мироздания. Человеческая культура не содержит в себе явных примеров результатов творчества, рождающего «неформатные», негодные к употреблению творения. И не потому, что они нам отвратительны. Они не отвратительны, они нам неинтересны, они подобны муляжам фруктов, которые могут быть яркими и цветастыми, но несъедобны. Поэтому такие творения, если даже и рождаются, то бесследно исчезают, не привлекая к себе никакого внимания.

Обоснованность приведенной аргументации, однако, не всегда представляется бесспорной, в частности, применительно к фантастическим и мистическим произведениям, а потому требует дополнительных пояснений. К числу активно эксплуатируемых в художественном творчестве (в частности, литературе и кинематографе) идей относятся перемещения во времени, параллельные миры, телепортация, различного рода мистика и т.д. Эти идеи несовместимы с нашей реальностью, но при этом привлекают значительное внимание, принимаются читателями и зрителями. Дело в том, что творческие продукты, использующие эти идеи, интересны вовсе не ими. Эти идеи лишь прием художественного познания мира, раскрывающего реальность через невозможные исходные условия. Как известно, для создания фантастического или мистического произведения необходимо, чтобы вымышленным был всего один или небольшое число исходных условий. Их называют «фантастическое допущение» [\[15\]](#) или «элемент необычайного» [\[16, с. 3-12\]](#). Если вымышленным будет слишком многое, то произведение перестанет быть интересным. Это произойдет потому, что невозможным станет соотнесение вымышленного мира с реальным, а в результате – разрушится эмпатия, необходимая для восприятия искусства.

Итак, художественное творчество, также, как и творчество, связанное исключительно с познанием мира, опирается на представление о целостности мира. Можно констатировать, что любое творчество является имплементацией представления о целостности мира. Из россыпи разрозненных чувственных и аналитических знаний, априорных и апостериорных представлений, формализованных и неосознанных закономерностей созидаются творческие продукты. Это созидание происходит по канонам природы и служит углублению целостного понимания мироздания и пополнению его новыми объектами, гармонизированными с существующими.

Имплементация представления о целостности. Мы активно оперируем понятием «целостность», однако однозначного определения этого понятия мы до сих пор не озвучили. Кроме того, для осмыслиения понятия «целостность» необходимо провести его совместный компаративный анализ с понятиями «единство» и «качество» [\[17\]](#).

Наиболее простое и точное определение понятия «целостность» дается в общей теории систем, где оно является ключевой характеристикой в определении системы: «Система –

комплекс взаимодействующих элементов, образующих некоторую целостность» [\[18, с. 29\]](#). В рамках теории систем целостность системы определяется ее устойчивостью, а также локализацией, т.е. преобладанием (иногда говорят даже о достаточности) в определении ее состояния внутренних процессов по сравнению с внешними.

Объективное понимания понятия целостности достигается при его рассмотрении в контексте холистических представлений. В философии холизма целостность интерпретируется как свойство объекта, состоящего из элементов, объединение которых порождает новое качество. При этом объект обладает целостностью не только в отношении этого нового качества, но и в других своих проявлениях: качественные изменения в общем случае обозначают не появление дополнительных свойств при сохранении всех прочих неизменными, а переход в новое состояние, при котором трансформируются (в большей или меньшей степени) все свойства объекта.

Понятие «единство» относится к тому же свойству познаваемых объектов, что и целостность, однако акцентирует внимание на другой их ипостаси. Целостность – составляющая дуалистической пары «целое – часть» и проявляется при рождении нового качества при объединении элементов в объект (свойства элементов которого далее уже не могут рассматриваться независимо), а единство – часть дуалистической пары «единство (согласованность) – противоречие (несогласованность)» и проявляется при проявлениях взаимной обусловленности элементов, образующих объект (наделенный совокупностью определяющих его качеств). Для большинства случаев практики познания данные понятия взаимозаменяемы.

Понятиям «целостность» и «единство» нередко ошибочно приписывают онтологическое содержание. Между тем, данные понятия могут продуктивно использоваться исключительно в теории познания, а определяющее их понятие «качество» – категория теории познания. Качества, обособленные объекты, наделенные этими качествами, взаимосвязи элементов, составляющих объекты – лишь слагаемые моделей описания бытия, представляющие его обобщенно и упрощенно. Обладает ли бытие целостностью и единством? Безусловно, да. Однако здесь нет предмета для анализа, поскольку все, что мы можем сказать по поводу целостности и единства бытия – это то, что бытие ими обладает. Детали и механизмы их реализации нам неизвестны и никогда не станут известны.

Говоря о целостности, мы употребляем выражение «представление о целостности». Это означает, что целостностью должен обладать не мир, а его модель – представление в системе наших знаний. Действительно, если определять целостность через устойчивость и локализацию (т.е. в терминах общей теории систем), то необходимо констатировать, что устойчивостью должен обладать не мир (он и так устойчив и нам нет необходимости задаваться целью обеспечения его устойчивости), а наше о нем представление – модель. Соответственно, и локализация также должна быть отнесена к модели. Устойчивость и локализация модели обозначают возможность достоверного определения модели в рамках описания, ограниченного (локализованного) конечным числом элементов этой модели, их связей и относящихся к ним законов. Достоверность используемого неполного описания соответствует устойчивости, а ограниченность используемых для этого комплекса параметров – локализации. Указанная ограниченность достаточных средств описания представляет собой свойство комплектности – одно из ключевых требований, которым должна соответствовать любая общая теории систем.

Творчество связано с целостностью мира двояким образом. С одной стороны, творчество

отражает (отображает) целостность мира. Результаты творчества должны соответствовать актуальному мировоззрению [19], вписываться в парадигму сложившихся представлений о мироздании: определенных формах, отношениях, законах, правилах описания и т.д. Средства реализации творчества также заимствуются из окружающего мира. Для творчества используются распространенные в мире формы, отношения и законы. Таким образом представление целостности мира является императивом (требованием к форме и содержанию) творчества. С другой стороны, творчество является незаменимым инструментом созидания целостного представления мира. В силу определяющих его внутренних механизмов, все то ценное, что рождает творчество, становится частью целостного мира. Это могут быть новые знания, вписывающиеся в парадигму существующих представлений или обуславливающие формирование новой парадигмы, обобщающей или корректирующей прежние. Или это могут быть продукты творчества – новые объекты, пополняющие мироздание, но соответствующие его формам и законам.

Выводы. Изложенные в статье размышления можно обобщить в виде следующих выводов:

1. Творчество является одним из наиболее значимых инструментов формирования системы знаний и культуры человечества в целом.
2. Существуют области миропонимания, недоступные рассудку. Достижение этих областей возможно в процессе творчества за счет использования разумом интуиции.
3. Если исходить из представления об иррациональности мироздания, то никакого объяснения интуиции нет и не предполагается. Если мир детерминирован, то возможно объяснение механизма интуиции. Согласно этому объяснению в основе интуиции лежит использование изоморфизма, проявляющегося в виде возможности использования для познания принципа подобия.
4. Способность обнаруживать и использовать изоморфизм и другие степени подобия – природная способность людей, обусловленная мультисистемной интеграцией человека во множество систем: физический и биологический мир, социальную и культурную среду, систему профессиональных знаний и отношений и т.д. В каждой из этих систем человек черпает шаблоны форм и отношений элементов внутри целого, законы и свойства, а затем транслирует эти шаблоны, законы и свойства между системами.
5. В процессе творчества решаются две задачи: обобщение и формализация связей объектов познания, а также формирование новых объектов. Новые объекты, созидаемые в процессе творчества, должны вписываться в мироздание – использовать существующие паттерны форм и отношений объектов, а также законы и свойства, характеризующие их поведение.
6. Представление целостности мира является императивом (требованием к форме и содержанию) творчества. С другой стороны, творчество является незаменимым инструментом созидания целостного представления мира.

Библиография

1. Педагогический словарь: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В.И. Загвязинского, А.Ф. Закировой. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 352 с.
2. Рапацевич Е.С. Словарь-справочник по научно-техническому творчеству. Мн.: ООО «Энтоним», 1995. 384 с.

3. Мелик-Пашаев А.А. Опыт «озарения» в жизни детей и взрослых // Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт, 2022, №1. С. 32-38.
4. Грибков А.А. Исчисляемость материального бытия: дискретность, континуальность или неделимость? // Общество: философия, история, культура, 2023, №9. С. 14-19.
5. Грибков А.А. Паттерны и примитивы эмпирико-метафизической общей теории систем // Общество: философия, история, культура, 2023, №5. С. 15-22.
6. Грибков А.А. Определение вторичных законов и свойств объектов в общей теории систем. Часть 1. Методологический подход на основе классификации объектов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2023, том 12, №5-6А. С. 17-30.
7. Грибков А.А. Определение вторичных законов и свойств объектов в общей теории систем. Часть 2. Методологический подход на основе классификации паттернов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2023, том 12, №9А. С. 5-15.
8. Хачатрян А.А. Интуиция как феномен познания // Ученые записки КГАВМ им. Н.Э. Баумана, 2016, №3. С. 86-90.
9. Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: «Мысль», 1976-1983.
10. Локк Дж. Сочинения в трех томах. М.: «Мысль», 1985.
11. Rayleigh. The Principle of Similitude // Nature (1915), No. 2368, Vol. 95, p. 66-67.
12. Грибков А.А., Зеленский А.А. Общая теория систем и креативный искусственный интеллект // Философия и культура, 2023, №11. С. 32-44.
13. Шахно Н.В. Концептуализация понятия художественного творчества // Ярославский педагогический вестник, 2013, №2. С. 224-228.
14. Мулюкин О.П. "Правильные ограничения" стимулируют творческое мышление автора произведений и привлекают к ним внимание читателей // Современное общество и власть, 2018, № 2(16). С. 40-42.
15. Генри Лайон Олди (Дмитрий Громов и Олег Ладыженский). Что такое фантастика? Фантастическое допущение / Мир фантастики, 21.01.2016. URL: <https://www.mirf.ru/book/chto-takoe-fantasticheskoe-dopuschenie/>
16. Стругацкий Б.Н. Что такое фантастика? / День свершений. Л.: Советский писатель, 1988.
17. Мякинников С.П. Сравнительный анализ понятий "целое" и "единое": современные интерпретации // Экономические и гуманитарные исследования регионов, 2019, №4. С. 107-117.
18. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор / Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. Общая редакция и вступительная статья В. И. Садовского и Э. Г. Юдина. М.: «Прогресс», 1969. С. 23-82.
19. Солонин Ю.Н. Учение о целостности в перспективе новой методологической парадигмы // Философские науки, 2013, №10. С. 7-22.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу феномена творчества, предпринятым автором на основании убеждения в рациональном устройстве мироздания. Автор стремится

обосновать точку зрения, согласно которой творчество и лежащая в его основе интуиция базируются на способности «схватывать» общие характеристики объектов или их систем, которые, в свою очередь, могут обладать различной «глубиной», в разной мере выражать сущность вещей, в связи с чем подобные «озарения» могут оказываться как внешними, поверхностными, так и получать фундаментальное значение для науки или искусства. Предметное содержание статьи и форма представления автором своих взглядов позволяют надеяться на то, что многие читатели с интересом ознакомятся с ней. Однако до публикации автор мог бы внести некоторые исправления в текст (его объём составляет 0,5 а.л., что позволяет вносить дополнения), чтобы преодолеть некоторые погрешности, снижающие общий достаточно высокий уровень статьи, определяемый тем, что в ней просматривается определённый, кратко представленный выше, замысел. Прежде всего, хотелось бы порекомендовать автору вернуться к вопросу об использовании в названии термина «имплементация», который, думается, в этом контексте выглядит всё же не вполне естественно. Далее, в тексте много тривиальных формулировок, которые можно снять без ущерба для содержания, например: «Творческое мышление также может быть определено как решение творческих задач». По-видимому, наличие подобных фрагментов связано с тем, что большая часть использованной автором литературы носит популярный характер, фундаментальные исследования по затрагиваемой проблематике ни в самом тексте, ни в списке литературы практически не представлены. Кроме того, многие положения выглядят сомнительно, а их безапелляционное навязывание читателю производит впечатление необоснованной самонадеянности автора поспешно ответить на вопросы, над которыми «безуспешно» бились поколения мыслителей, например: «размышления привели нас к тому, что мир имеет конечную сложность и познаем». Разве кем-то уже представлены бесспорные доказательства этого положения? А одна из формулировок выводов статьи звучит так: «Если исходить из представления об иррациональности мироздания, то никакого объяснения интуиции нет и не предполагается». Вспомним, что множество мыслителей придерживались как раз противоположной точки зрения. Трудно понять, что убедило автора в его способности мгновенно решать «мировые проблемы». Ещё хуже то, что подобные суждения (в том числе, и приведённое) автор кладёт в основу последующих рассуждений, вследствие чего и вся «дедуктивная цепочка» производит уже сомнительное впечатление. Далее, непонятно, зачем автор приводит свидетельства Аристотеля и Локка, никакого отношения к избранной теме они не имеют. Встречаются в тексте и высказывания, которые производят впечатление фактической ошибочности или, как минимум, неполноты, например, аналогию автор определяет как «схожесть отдельных черт, проявлений объектов познания». Ну, во-первых, аналогия не просто фиксирует «схожесть» черт, а осуществляет их перенос с одних объектов на другие, а, во-вторых, например, у «аналогии отношений» совсем другая природа (которая, кстати, носит и куда более «творческий» характер). И всё же несмотря на высказанные замечания следует констатировать, что в статье представлено определённое содержание, автор стремится обосновать собственную позицию, отдельные положения производят впечатление результата тщательного продумывания научных и философских проблем. На основании сказанного представляется правильным рекомендовать статью к публикации, какие-то недостатки могут быть исправлены в рабочем порядке, а другие автор смог бы учесть в последующих работах.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Зыкин А.В., Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. Православное старообрядчество в синтезе культур Забайкальского региона (к истории Духовных миссий Забайкалья) // Философская мысль. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.3.43670 EDN: AKJKDA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43670

Православное старообрядчество в синтезе культур Забайкальского региона (к истории Духовных миссий Забайкалья)

Зыкин Алексей Владимирович

кандидат филологических наук

доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий

196601, Россия, г. Санкт-Петербург, пушкин, ул. Средняя, 6/1-28

 zykinalex@mail.ru

Арефьев Михаил Анатольевич

профессор, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

196605, Россия, г. Санкт-Петербург, шоссе Петербургское, 2

 ant-daga@mail.ru

Давыденкова Антонина Гилеевна

профессор, профессор кафедры Философии и социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

196605, Россия, г. Санкт-Петербург, шоссе Петербургское, 2

 ant-daga@mail.ru

[Статья из рубрики "Духовно-нравственные исследования"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.3.43670

EDN:

AKJKDA

Дата направления статьи в редакцию:

30-07-2023

Аннотация: Настоящая работа направлена на изучение роли духовных миссий в культурной жизни Забайкалья на примере Даурской Духовной миссии, которая была создана Российской Православной Церковью с целью распространения православия и русской культуры среди коренного населения Даурской земли и соседних областей Восточной Сибири. Отмечается, что в целом, Даурская Духовная миссия превратилась в важнейший инструмент РПЦ в распространении православной веры XVII-XVIII веков в Сибири. Она позволила приобщить к христианству многие народы Восточной Сибири, сохраняя толерантный подход и уникальность местных культурных традиций, что способствовало развитию как торговли, так и промышленности этого региона. В ходе интенсивного развития экономики этой части Российского государства Даурская Духовная миссия сыграла свою роль в качестве духовного и экономического коннектора. Отдельно отмечается взаимодействие миссии с Северным буддизмом (ламаизмом) и желание привлечения буддистов к христианству. Однако из-за опасений по поводу негативного влияния на международные отношения с Китаем это направление работы не было продолжено. Помимо языческого и буддийского влияния на этнокультуру Восточной Сибири отмечается влияние старообрядцев. Забайкальское старообрядчество является важным духовным опытом русской православной культуры в Восточной Сибири и имеет многовековую историю. Отдельно рассматриваются семейские старообрядцы как разновидность старообрядчества в Забайкалье, которые были поселены на этой территории в XVIII веке, что вызвано не полным представлением об их жизни и бытовом укладе. Указывается, что смешение культурных элементов, включая смешанные браки, привело к формированию уникальной культуры и быта семейских, которые продолжают сохранять свою индивидуальность и стойко держатся в современном мире.

Ключевые слова:

духовная миссия, культура, старообрядчество, семейские, Даурская Духовная миссия, буддизм, социальная деятельность, христианство, культурная жизнь, православная вера

Настоящее исследование является не только логическим, но и важным вкладом в изучение культуротворческой деятельности духовных миссий Забайкалья [\[17, с. 50-63; 18, с. 134-145\]](#). Оно направлено на изучение роли духовных миссий в культурной жизни этого региона, а также на вопрос о том, как они способствовали сохранению и распространению православной веры и традиционных русских ценностей [\[34\]](#).

Даурская Духовная миссия была создана Российской Православной Церковью с целью распространения православия и русской культуры среди коренного населения Даурской земли и соседних областей Восточной Сибири [\[13; 14\]](#). Подобные миссии были созданы и в других регионах Сибири и Дальнего Востока, в том числе в Бурятии, Якутии и на Камчатке. Работа Даурской миссии включала в себя проповедь, установление храмов и создание церковных школ для народов этого региона. Священники и монахи миссии учили коренное население православной вере, русскому языку, культуре и традициям. Служители также занимались изучением местного диалекта и созданием грамматик и словарей, что позволило сохранить и распространить языки различных коренных народов. Однако, помимо православных миссий, в регионе действовали и старообрядцы, которые были непризнанными группами в православной церкви и протестовали против

официальной церковной и государственной власти. Они активно проповедовали свое вероучение и практику, что вызывало недовольство церкви и правительства. В результате, старообрядцы и служители Духовных миссий, каждые по-своему, по-особенному, несли русскую культуру в этот сибирский регион Забайкалья.

Даурская Духовная миссия была создана во исполнение указа правительства Федора Алексеевича, и ее основная задача заключалась в распространении православия и российской культуры в Забайкалье. Как часть государственной политики, православная миссия имела широкий спектр функций, включая проповедь христианской веры, создание церковных школ и храмов, а также изучение местного языка и создание грамматик и словарей. Создание миссии было связано с процессом постепенного вхождения коренных народов Восточной Сибири в русскую цивилизацию через познание православной веры и культуры России.

Миссионерская деятельность в Центральной и Восточной Сибири была обусловлена как многочисленностью местного нехристианского населения, так и активной деятельностью старообрядческих сообществ в этом регионе. Эта деятельность вызывала недовольство государственных и церковных властей, которые стремились «искоренить развратников святой веры Христовой» и распространять православие среди коренных народов. В этом контексте, региональные исследования, включая и исследования региональной материальной культуры и духовной жизни, играют важную роль в изучении истории и культуры сибирских регионов. Они предоставляют возможность лучшего понимания особенностей местной духовной культуры, включая религиозные традиции, нравы и обычай народов, а также их особенности взаимодействия с другими культурами и религиями. Исследования в русле регионалистики могут помочь в изучении многих аспектов жизни и культуры регионов, от экономики и демографии до духовной жизни и религиозных традиций. Кроме того, они помогают строить мосты между различными общинами и социальными группами, способствуя пониманию и снижению недоверия и конфликтов.

Как отмечает академик А.О. Боронов, территориальные регионы представляют собой особые территории со специфической хозяйственной, социальной и духовной структурой. Эти территории также характеризуются определенной ментальностью и нормами поведения, которые отличаются от тех, что присущи другим регионам и культурам [\[7, с. 26\]](#). Регионалистика затрагивает вопросы духовных ценностей и морально-нравственных норм поведения людей и их влияние на формирование культуры, и общества в целом. Изучение региональных особенностей позволяет лучше понять, как местная культура и традиции влияют на поведение и жизнь людей в данном регионе, а также как потребности, ценности и интересы людей отражаются в ментальности и культуре региона.

Даурская Духовная миссия, созданная в Восточно-Сибирском регионе, своей целью преследовала распространение православной веры и русской культуры среди этносов этих территорий. Изначально состоявшая из 12 человек, миссия отправилась из Москвы в 1680 году и прибыла в Тобольск в том же году. Задачи миссии состояли как в приобщении местного населения к христианству и русской культуре, так и в укреплении позиций государства в этом районе. Митрополит Павел, идейный вдохновитель миссионерской работы в этом регионе, дал наказ крестить иноверцев во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Вместе с тем он призвал не конфликтовать на религиозной почве, что соответствовало принципам толерантности и веротерпимости. Особенность формирования русской цивилизации, как мы подчеркиваем, заключалась в том, что культурные и религиозные традиции сохранялись и развивались в рамках социального

разнообразия и толерантности, что позволяло создавать уникальность межэтнической культуры и сохранять разнообразие народов России. Эта особенность была связана историческим развитием России и ее территориальным положением, где наряду с русским населением жили и другие народы с разными культурами и религиями [\[19, с. 42\]](#). Территориальные границы, общие исторические события и экономические интересы способствовали формированию единой культурной и государственной идентичности. Однако при этом сохранялись и особенности каждого региона и этнической группы, что в свою очередь обогащало культуру России.

После наказа митрополита Павла о создании монастыря на реке Селенге или в ином месте для поддержки Даурской Духовной миссии, был в 1690 году основан монастырь во имя Святой Троицы. К созданию монастыря самым прямым образом были причастны царь Феодор Алексеевич и царица Марфа Матвеевна, а также тобольский воевода и стольник Ф.А. Головин. Монастырь на реке Селенге и так называемый «Посольский монастырь» превратились в духовные центры миссии, которая призывала к истинной вере и русской культуре население Восточной Сибири, включая бурятов [\[16; 32, с. 594-600\]](#).

Иеродиакон Мисаил был руководителем Даурской Духовной миссии и игуменом Селенгинского монастыря. В 1699 году он был возведен в сан архимандрита и ему было поручено вести церковные дела в Иркутске, Селенгинске, Нерчинске и других городах Восточной Сибири. Он умер в 1743 году в Селенгинском монастыре [\[25, с. 126-127\]](#). Помимо Мисаила, активным участником миссионерской деятельности также был иеродиакон Трифиллий из местного княжеского рода Гантимуровых, который крестился в 1684 году в Нерчинске. Также известны имена иеромонаха Митрофана, строителя-старца Рафаила, монаха Серапиона, а также старца Филарета, которые также участвовали в миссионерской деятельности в рамках Даурской Духовной миссии.

Отметим, что в целом, Даурская Духовная миссия превратилась в важнейший инструмент РПЦ в распространении православной веры XVII-XVIII веков в Сибири. Она позволила приобщить к христианству многие народы Восточной Сибири, сохраняя толерантный подход и уникальность местных культурных традиций.

Даурская Духовная миссия имела в своем распоряжении порядка 200 десятин земли. Они обрабатывались по русским технологиям землепользования в добавок к этому миссия имела по 25 пудов зерна с хозяйством приписных крестьян. Напомним, что монастырские крестьяне были частью крепостного права в Российской Империи, а излишки зерна являлись фактором торгового дела, способствовавшего развитию экономики и социума того времени в целом.

К концу XVII столетия в связи с разработкой нерчинских сереброрудных месторождений землепользование в Восточном Забайкалье стало правительственным делом, оно способствовало как развитию торговли, так и промышленному состоянию этого региона. Шло интенсивное развитие экономики этой части Российской государства, где Даурская Духовная миссия сыграла свою роль в качестве духовного и экономического коннектора [\[38\]](#). Значимым было и то, что монастыри Даурской миссии имели право селить на принадлежащим им землям «беспаспортных» и беглых. Селения крещеных бурят, также входили в сферу влияния миссии, способствовали устройству оседлого образа жизни. Монастыри играли важную роль в регулировании жизни крестьян, с помощью монастырского устава, а также оказывали содействие в создании нового типа хозяйствования в Забайкалье – земледелия с основами растениеводства и организации различных промыслов. Развитие этих новых типов хозяйствования позволило создать

надежную экономическую базу для жизни новокрещенных на территории Забайкалья и способствовало развитию региона в целом [\[15, с. 80-114\]](#).

Ряд современных авторов относит переход бурят к земледелию к началу XVIII века и связывает его с принятием крещения. Реально это происходило уже к концу XVII столетия. Данный переход к земледелию рассматривается как главная заслуга межкультурного характера Даурской Духовной миссии. Также монастыри помогали межэтническим бракам русского населения с новокрещенными бурятками и тунгусками, что стало фактором межкультурного взаимодействия, так как смешанные семьи, получившие называние «карьмы» [\[8, с. 292-348; 28, с. 45\]](#).

Отдельно направление деятельности Даурской миссии – это взаимодействие с Северным буддизмом (ламаизмом) и желание привлечения буддистов к христианству. В 1719 году миссия располагала для этого двумя монастырями и 14 православными церквями. Самые известные: Богородице-Владимирская и Спасская в Верхнем Удинске, Богородице-Владимирская в Хилоке, Михаило-Архангельская в Трекове, Богородице-Казанская в Колесниково, Спасская и Покровская в Селенгинске, Петропавловская в Чикое и другие [\[33, с. 29-74\]](#). Создание монастырей и церквей, а также проведение межконфессиональной деятельности стимулировало развитие православия в Бурятии и Забайкалье и способствовало укреплению российского влияния в этом регионе. В целом, православие постепенно стало одним из важнейших элементов культурной и духовной жизни бурят и других народов Восточной Сибири и Забайкалья.

После 1734 года русское правительство прекратило миссионерскую деятельность в этом регионе Сибири из-за опасений по поводу негативного влияния на международные отношения с Китаем. Это привело к тому, что в середине XVIII века среди забайкальских бурят стал широко распространяться Северный буддизм. Это произошло в связи с Буринским и Кяхтинским договорами, заключенными между Россией и Китаем в 1727-1728 годах. По условиям данных договоров, Россия обязалась не препятствовать пропаганде ламаизма в Тибете и других регионах, где этот вид буддизма был распространен. В результате, ламаизм стал играть важную роль в культурной и религиозной жизни бурят и других коренных народов Забайкалья, и до сих пор это является одной из характерных черт этой региона [\[2, с. 108-112; 26, с 253-264; 39, с. 472-477; 40\]](#).

После подписания Буринского и Кяхтинского договоров в Забайкалье начали прибывать тибетские и монгольские ламы, которые помимо проповеди буддизма привозили с собой книги и буддийскую книжность. В то время как распространение вероучения Будды в Восточной Сибири и Забайкалье было общим для центральноазиатской культуры, сакрализация этой книжности происходила с учетом определенных особенностей бурятской духовной культуры. Современные исследователи выделяют эти особенности: во-первых, речь идет о том, что коренное население стало осознавать себя форпостом буддийской книжности в условиях господства книжности русской; во-вторых, буддизм стал способом преодоления язычества (мировоззрения шаманизма); в-третьих, для бурятского населения в психологическом плане пришло осознание оторванности от центральноазиатского буддизма и переживание этой отдаленности [\[1, с. 157\]](#).

Помимо языческого и буддийского влияния на этнокульттуру Восточной Сибири, как мы уже упоминали, существенным было влияние старообрядцев на этот регион. Забайкальское старообрядчество является важным духовным опытом русской православной культуры в Восточной Сибири и имеет многовековую историю.

Как отмечает К.Я. Кожурин, старообрядчество имеет своих духовных лидеров и несомненные достижения во всех сферах социокультурной жизни России. Среди старообрядцев были многие выдающиеся деятели «большой» русской культуры и русской истории. Среди них М.В. Ломоносов, атаман М.И. Платов, поэты Ф.Н. Слепушкин и Н.А. Клюев, писатели Ф.В. Гладков и А.М. Волков, художник К.С. Петров-Водкин и скульптор А.С. Голубкин, академики Б.А. Рыбаков и Д.С. Лихачев, министр Временного правительства А.И. Гучков и советский министр обороны Д.Ф. Устинов [\[20, с. 7-8\]](#).

Существует значительная разновидность старообрядчества в Забайкалье – это семейские старообрядцы, которые были поселены на этой территории в XVIII веке. Интерес к этой группе старообрядцев всегда был высоким среди исследователей и путешественников. Однако, как отмечает Ф.Ф. Болонев, имеющаяся литература о семейских старообрядцах весьма односторонняя и не даёт полного представления об их жизни и бытовом укладе. Так, у большинства исследователей создавалось впечатление о чрезмерной замкнутости их быта, о фанатической преданности старым обрядам и вере. Болонев считает, что такой подход не учитывал сущности социально-экономических явлений на основании беглого знакомства с жизнью семейских старообрядцев. Более того, он указывает, что староверы прошли значительный процесс смешения с окружающим населением [\[4, с. 125-137\]](#).

Семейские старообрядцы – этноконфессиональная группа русских старообрядцев, которые были высланы в Забайкалье из Белоруссии, Украины и Польши – тогдашних частей Российской империи в XVIII веке. Они были переселены крупными семьями, ведшими патриархальный образ жизни, что положило начало прозвищу «семейские». Эта группа старообрядцев сохраняла старую религиозно-православную традицию и отстаивала свою веру в средневековой богослужебной практике, которая была заблокирована церковными реформами царской власти (эпоха Алексея Михайловича и патриарха Никона). В Забайкалье семейские старообрядцы нашли свой дом и сохранили свои традиции и обычай, принимая в себя местные культурные элементы. В их жизни бытовали разнообразные особенности, такие как многократное бракосочетание, коллективный образ жизни, особая религиозная обрядность [\[37\]](#).

Семейские старообрядцы прибыли в Сибирь в 1760-х годах, и первоначально их число составляло около пяти тысяч человек. С течением времени, количество семейских старообрядцев на Забайкалье значительно увеличилось. Так, с 1782 года число семейских старообрядцев увеличилось с 4,4 тысяч человек до 17,9 тысяч человек к 1850 году. По переписи 1897 года в России насчитывалось около 40 тысяч семейских старообрядцев. Сегодня семейские старообрядцы – это не только фрагмент духовной жизни Забайкалья, но и других регионов России (Республика Бурятия, Амурская область, Хабаровский и Приморский края). Преобладающий этнологический тип у семейских старообрядцев – это русский (славянский), однако существуют вместе с тем признаки украинской, польской и бурятской метисации. Фамилии семейских старообрядцев также свидетельствуют о смешении с бурятами, а смешанные браки с местным населением способствовали формированию уникальной культуры этой группы старообрядцев.

Согласно замечанию этнографа Г.М. Осокина, семейские старообрядцы вели правильный образ жизни, не злоупотребляя алкоголем, табаком и распутством, что положительно сказалось на населении Забайкалья, придавая ему крепкий, здоровый, сильный и красивый тип [\[12; 29\]](#). Характерен для семейских старообрядцев юго-западный диалект с определенным влиянием украинского и бурятского языков, а также элементы севернорусского и белорусского говоров. Некоторые семейские старообрядцы не

признавали светской грамотности и обучали своих детей на старославянском языке. Они, как правило, принадлежали беглопоповскому ветковскому согласию и затем белокриницкому согласию, однако были также представлены беспоповцы федосеевского, поморского толков, темноверцы и частично часовенные.

Исследователи называли семейских старообрядцев «общиной общин», подчеркивая их высокую сплоченность и организованность. Община была необходимой формой хозяйствования в условиях самоизоляции от государства и упорядочивала общественную жизнь, отстаивала экономические интересы крестьян, устанавливала нормы труда и групповых отношений. На общественных сходах выбирались старшие и писарь, а также обсуждались важные вопросы жизни общины, такие как землепользование, распределение налогов и повинностей, а также проводились общественные и церковные праздники.

Старообрядцы были знатоками сельского хозяйства и заслужили славу лучших земледельцев сибирского региона. Они использовали соху и сабан для возделывания земли, а затем начали использовать плуг и борону. Выращивали рожь, пшеницу, ячмень, гречиху, а также освоили огородные культуры. Однако, семейские старообрядцы сначала были крайне скептически настроены по отношению к картофелю (чертовые яблоки). Использовали различные агротехнологические приемы в сельском хозяйстве (запруды речек и ручьев, рытье канав и т.д.). Животноводство не имело для них первостепенного значения, поскольку они были преимущественно земледельцами. Однако, они выращивали скотину для подсобного хозяйства.

В быту семейские или как еще их называли – поляки, выделялись яркой и величественной одеждой, которая сформировалась во времена их бытия в Польше. В одежде и в использовании украшений применяли названия характерные для Русского Севера. Имелись заимствования из украинской и белорусской культур, а также влияние от бурятской культуры, такие как меховая шапка и обувь. Праздничный костюм семейских мужчин и женщин был сшит из дорогих цветастых тканей [\[5: 6; 21; 24; 31, с. 109-112; 36; 43\]](#). В их бытовой художественно-эстетической культуре было много элементов межэтнических культурных влияний, их украшения и украшения для одежды были роскошными и яркими. В их культуре было заметно влияние полонезских костюмов, которые были популярны в Польше, а также элементы украинской, белорусской и бурятской культур. Пища, которую ели семейские, отличалась от обычной российской кухни. В связи с религиозными традициями, у них были свои особенности в питании. Это зависло от пищи в постные и скоромные дни. В посты они употребляли пищу растительного происхождения, молочные продукты, без яиц, а в рыбные дни – рыбу. Семейские славились выпечкой разнообразных булочек, коврижек и калачей, пирогами. В их обрядовой еде были такие блюда, как «кутья» – каша из пшена, которую готовили на Крещение, а также блины и каши. Несмотря на свою отличительную кухню и одежду, семейские и другие православные люди имели много общего в своих традиционных блюдах и нарядах.

Семейские староверы очень ценили чистоту и гигиену и следили за своей физической и духовной чистотой. Они приветствовали ванну и ежедневное купание, что было необычным для многих народов Сибири в то время. Их стремление к чистоте и гигиене также способствовало укреплению межэтнических и межкультурных отношений. В семьях соблюдались традиции и обычаи, которые помогали укреплять связи между членами семьи. Они заботились о своих близких и помогали им в трудные моменты. Взаимопомощь – вот отличительная черта семейских в бытовой и общественной жизни.

Вопросы о хозяйственных и бытовых связях семейских с другими народами и о постепенном разложении патриархальной семьи являются сложными и требуют дополнительного исследования. Однако уже известно, что семейские были не так замкнуты, как обычно предполагается. Они имели много отношений с соседними селениями, обмениваясь товарами, услугами и невестами на выданье. Смешанные браки с другими сибирскими народами были не редкостью. Постепенное разложение патриархальной семьи в семейских общинах было связано с изменением социально-экономических условий жизни. С развитием промышленности и усилением городской жизни, семьи перестали быть главной единицей общества, а на первый план вышли индивидуальные интересы и потребности. Это привело к смене традиционных ролей внутри семьи, к увеличению числа разводов и появлению феномена одиночных матерей. Старшее поколение семейских, придерживающееся традиционных ценностей, сталкивалось с противоречиями между старыми и новыми ценностями и образами жизни своих детей и внуков. Эти изменения в семейной структуре затрагивали не только семейских, но и другие общины и народы, в том числе и коренные народы Сибири. Несмотря на это, патриархальные ценности и обычаи сохраняются в некоторых семьях семейских до сих пор, особенно в тех, что сохраняют традиции старой веры. Они продолжают смотреть на семью как на главную единицу общества и придерживаются строгих правил поведения и взаимоотношений внутри семьи.

Семейские и буряты взаимно поглощали и усваивали некоторые элементы других культур в хозяйственной и бытовой сферах. Буряты позаимствовали у русских опыт в хлебопашестве, строительстве домов и хозяйственных помещений, сенокошении, а русские в свою очередь переняли из практики бурят много ценного в скотоводстве. Бурятские названия домашних животных, предметов быта и терминов закрепились в русской речи и до сих пор используются в повседневных разговорах. Это взаимопроникновение культур оказало влияние на формирование особых характеристик культуры и быта семейских. Они сохраняли и развивали старые традиции русского народа, одновременно усваивая и перенимая элементы бурятской культуры. Такой синтез культурных элементов способствовал сохранению уникальных черт культуры и национального достоинства каждого народа. В результате взаимодействия русской и бурятской культур возникли некоторые общие черты в культуре и быту семейских, такие как учет природных условий в хозяйственной деятельности, умение работать с разными материалами, развитие скотоводства и земледелия. Также появились новые общие праздники и обряды, например, празднование якутского праздника Ӧысих май, который был принят и среди семейских. Однако, несмотря на взаимное влияние, каждый народ сохранял свою индивидуальность и уникальность. Семейские не потеряли своих традиционных обычаев, представляющих собой наследие русской культуры, но они также усвоили и приняли элементы бурятской культуры, сохраняя свое национальное достоинство.

Информация о смешанных браках семейских с окружающим населением в литературе достаточно скучна, но сохранилась в народной памяти. Несмотря на то, что такие браки были необычны в традиционной культуре семейских, они все же имели место быть и вносили свой вклад в формирование культурной смеси. К. Михайлов высоко оценивал общину семейских, отмечая ее способность к сохранению старинных традиций и осознанности в принятии новшеств, которые могли улучшить их благосостояние. Этот подход подчеркивает значимость прагматичности в повседневной жизни семейских, которые открыто относились к новшествам, если от них была прямая выгода [\[27, с. 5\]](#).

Следовательно, можно сделать вывод, что семейские, несмотря на сохранение своей

традиционной духовной и материальной культуры, были открыты к новым знаниям и опыту, включая культуру и обычай окружающих народов. Смешение культурных элементов, включая смешанные браки, привело к формированию уникальной культуры и быта семейских, которые продолжают сохранять свою индивидуальность и стойко держатся в современном мире [\[27, с. 9\]](#).

А.П. Беляев, основываясь на своих наблюдениях, не находил большой закостенелости в быте семейских и отмечал их комфортные и хорошо устроенные дома. Он также заметил, что многие молодые люди из семейских уже оставляли староверческие верования, но не фанатично и не с невежеством, а скорее по равнодушию [\[3, с. 819-820\]](#). Было заметно, что семейские становились терпимыми в отношении других и открытыми для общения. Многие из богатых людей среди семейских даже выписывали и читали журналы и газеты, что свидетельствовало об их уважении к новым знаниям и прагматичности.

Такой оптимистический взгляд на быт и повседневную жизнь семейских появился благодаря тому, что А.П. Беляев был более открытым для новых идей и не был предвзятым в отношении старообрядцев. Он уважительно относился к их культуре и быту, давая им положительную оценку в своих записях. Это показывает, что существовали различные подходы к изучению и описанию культуры и быта семейских и не все писатели и исследователи относились к ним одинаково. Также стоит отметить, что оптимистический взгляд на быт семейских был связан с тем, что они не были нищими и обладали определенным достатком, что позволяло им иметь более комфортные и уютные дома, а также интересоваться современностью.

Семейские сохраняли свою заветную веру и традиции, стремясь к обособленности и уединению, но одновременно они не могли не подвергаться влиянию соседей и изменениям в общественной жизни. Они активно взаимодействовали с окружающим миром, что увеличивало шансы на получение новых знаний и навыков, но также могло вести к потере некоторых старых традиций и моральных норм. Важно отметить, что семейские были способны адаптироваться к изменениям и принимать те или иные элементы культуры до тех пор, пока они не столкнулись с поверхностью и пренебрежением со стороны иных культур. Таким образом, их идеи и культурные черты сохранялись благодаря сильному духовному потенциалу и искренней вере в свои истины [\[11, с. 16\]](#).

Со временем семейские старообрядцы не могли больше полагаться только на хлебопашество, поскольку продажа хлеба была экономически невыгодной. Вместо этого они начали уделять больше внимания животноводству и торговле, перенимая многие техники у бурят. Они стали производить и продавать мясо, кожи и сало не только на рынках соседних городов, но и в Китайской империи. Они стали известны благодаря своим мерлушкам – сушеным и копченому мясу, которое долго хранилось и было востребовано путешественниками и местным населением. Такая торговля приносила семейским неплохой доход, что приводило к появлению богатых крестьян, некоторые из которых разбогатели на подрядах и ростовщичестве. В целом, семейские стали всё более интегрироваться в экономику сибирского региона и находить свое место в общественной жизни. Они продолжали сохранять свои традиции и обычай, но также были готовы к нововведениям и изменениям в жизни [\[30, с. 228\]](#).

Как отмечали исследователи, развивающиеся товарно-денежные отношения привели к расслоению семейских общин и российского общества в целом. Некоторые семейские начали извлекать прибыль из своего хозяйства, нанимая на работу сибиряков и бурят,

тем самым становясь капиталистами. Одновременно, часть семейских оказалась не в состоянии приобрести землю, что также способствовало усилению социальных неравенств в семейском обществе [\[10, с. 60-62\]](#). М.М. Шмулевич писал, что некоторые крестьяне из старообрядческих общин оказались в очень трудной ситуации, не имея возможности выполнять административные требования и приобретать землю. Это создавало неравенство и несправедливость в общественной жизни [\[41, с. 136\]](#).

С развитием товарно-денежных отношений и все большим количеством малоземелья, связи семейских с другими слоями населения укрепляются. Многие староверские семьи ищут дополнительный заработок на стороне. По данным А.А. Лебедевой, в конце XIX века это было очень распространенным явлением. Часть семей устраивалась на прииски, работала на железных дорогах, зарабатывала на извозе, а также на хозяйственных работах в своем селе или в срочном порядке. В малоземельных семьях, где были свободные руки, уходили на прииски даже целыми семьями, распродавая остатки своего разоренного хозяйства [\[22, с. 100\]](#).

Различные жизненные явления, такие как брачное смешение, экономические и социальные контакты, вторглись в жизнь семейских, привнося свежие веяния в их быт и культуру. Одной из причин брачного смешения старообрядцев с представителями других национальностей была малочисленность самих старообрядцев в первые годы их жизни за Байкалом. Однако, браки были запрещены до восьмого степени родства, что существенно ограничивало их выбор, и не допускались браки между людьми различных толков и согласий [\[30, с. 228\]](#).

Неразделенные семьи, где несколько женатых братьев жили вместе с родителями, также создавали свои особенности в жизни семейских. Родственные связи и соседские связи также оказывали большое влияние на их быт и культуру. В целом, жизнь семейских в Сибири была своеобразной, сочетая в себе традиции, ограничения и новые возможности, которые предоставляла экономическая и социальная ситуация региона [\[23, с. 323\]](#).

Неразделенные семьи, где жили несколько женатых братьев вместе с родителями, были распространены в семейских общинах и являлись устойчивой традицией. Такие семьи вели общее хозяйство, работая на общих наделах и распределяя труд между собой. Родственные связи также играли важную роль в жизни семейских, включая связи с крестными отцами и материами, которые считались особенно близкими, а также с соседями и близкими родственниками [\[42, с. 138\]](#). В то же время, семейские сталкивались с ограничениями, складывавшимися из различных факторов. Ограничения в браке и выборе партнера ограничивали свободу выбора и соразмерность жизни. Неразделенные семьи также могли ограничивать возможности младших членов семьи и создавать напряженность внутри семейских [\[22, с. 101\]](#).

Высокий процент неразделенных крупных семей в семейских общинах значительно ограничивал количество старообрядческих семей и мог приводить к бракам с представителями других национальностей. Экономические причины также могли играть роль в выборе партнера, особенно в условиях малоземельности. Часто семейские арендовали земли у бурят или отдавали им часть своего скота для пастбища на лето, что способствовало завязыванию хозяйственных связей и повышению экономической выгоды для семейских. Старообрядцы, смешиваясь с представителями других национальностей региона, чаще всего обращали их в свою веру, крестили их по старым

обрядам, что способствовало сохранению и распространению старообрядческих традиций и обрядов.

Смешение культур и национальностей, создание новых экономических и социальных связей усиливали взаимодействие между семейскими общинами, расширяли возможности для обмена опытом и знаниями, а также способствовали созданию новых и полезных связей между людьми. В целом, жизнь семейских в Сибири в этот период была своеобразной и богатой на различные явления, вносила свой вклад в уникальную культуру и историю Сибири [\[35, с. 129\]](#).

Браки старообрядцев с представителями других этносов региона часто заключались из-за экономических или культурных соображений, а также под давлением обстоятельств, таких как сиротство или увоз в города. Однако, такие браки также могли приводить к расширению межнациональных связей, укреплению взаимопонимания и к ускоренной интеграции различных культур. Межэтнические браки часто были связаны с расширением экономических связей и естественным объединением людей на общих хозяйственных работах. Иногда такие браки не были оформлены официально, что могло создавать некоторые юридические проблемы. Однако, во многих случаях семейские находили возможности для заключения официальных браков и оформления документов [\[4, с. 131\]](#).

Старообрядческая культура и жизнь семейских привлекали многих ссыльных и представителей других национальностей. Это было связано с трудовой и материальной притягательностью жизни семейских и их хозяйств, а также с привлекательностью и уникальностью старообрядческой культуры и веры. В ряде случаев, ссыльные и представители других сибирских этносов, познакомившись с жизнью семейских, принимали их веру и обычай и иногда переходили в старообрядчество. История запечатлела примеры перехода бурят и представителей других этносов Сибири в старообрядчество. Это свидетельствует о распространении старообрядческой культуры в регионе и ее влиянии на представителей других национальностей [\[9, л.1\]](#).

Однако имелись и другие ситуации, как переход из старообрядчества в православие, который был связан не только с религиозной конверсией, но и с социально-экономическими условиями, такими как замужество или брак с представителем другой конфессии. В целом, такие случаи свидетельствуют о том, что религиозная общность не всегда была самостоятельным фактором в социальной жизни. Напротив, часто она подчинялась более широким социальным механизмам, таким как рынок брачных отношений, экономическое благополучие, социальный статус и т.д. [\[9, л. 201-202\]](#).

В качестве общих выводов отметим, что, во-первых, межкультурное взаимодействие в Восточной Сибири продолжается по сей день. Регион является многоэтнической и многоконфессиональной территорией, на которой проживают представители разных народов и культурных традиций. В современном мире, охваченном процессами глобализации, изучение этнической и культурной истории Восточной Сибири может стать одним из критически важных шагов для сохранения и защиты культурного наследия и межкультурного взаимодействия.

Во-вторых, Даурская Духовная миссия РПЦ стала в свое время значительным фактором в духовной и социальной жизни Забайкалья. Ее работа улучшила жизненные условия местных обитателей и способствовала сохранению и развитию культурного наследия региона. Она оказала влияние на формирование многокультурного характера региона и внесла важный вклад в развитие межкультурного диалога. Влияние духовной миссии

РПЦ ощущается до сегодняшнего дня, когда на территории Забайкалья продолжают проживать люди разных национальностей и вероисповеданий. Собственно, этнические и конфессиональные различия стали одной из составляющих имиджа региона с точки зрения многогранности культурного наследия, что делает регион привлекательным не только для туристов, но и для культурных и социальных исследований.

В-третьих, духовно-социальное влияние семейских старообрядцев на межкультурное взаимодействие и межкультурную коммуникацию в Забайкалье является по-прежнему важным фактором в формировании поликультурной, билингвальной среды в этом регионе России и вызывает интерес со стороны исследователей и научного сообщества.

Библиография

1. Базаров А.А. Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е. (Улан-Удэ, Томск). Роль священной книги в традиционных культурах Сибири («социальная археография»). – Проблемы сибирской ментальности / Под общ. ред. А.О. Бороноева. – СПб.: Астерион, 2004. – С. 147-165.
2. Батуева И.Б. К истории развития ламаизма на восточных окраинах Российской империи в XVII-начале XX века / И.Б. Батуева // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. – № 1(35). – С. 108-112.
3. Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская старина. 1881. Т. XXX. – С. 819-820.
4. Болонев Ф.Ф. Семейская живая старина за Байкалом. Очерки истории, культуры, быта и межэтническое взаимодействие : сб. науч. ст. – Улан-Удэ, 2015. – С. 125-137.
5. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. М., 2004 – 350 с.
6. Болонев Ф.Ф., Выхристюк О.И. Певцы и песни Большого Куналаея. Новосибирск, 2002. – 207 с.
7. Бороноев А.О. Сибирский менталитет: содержание и актуальность исследования / Проблемы сибирской ментальности / Под общ. ред. А.О. Бороноева. – СПб.: Астерион, 2004. – С. 26-34.
8. Вениамин (Благонравов), архиеп. Письма из Посольского мон-ря // Свет Христов просвещает всех!: Сб. Новосиб., 2000. – С. 292-348.
9. ГАИО – Государственный архив Иркутской области. ф. 50, оп. 1, д. 718, № 2, 784.
10. Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. – С. 60-62.
11. Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев – семейских. Верхнеудинск, 1922. – 20 с.
12. Давыденкова А.Г. Старообрядчество в культуре России. Философские и социально-правовые аспекты / А.Г. Давыденкова, В.Г. Баев, Т.И. Козлова. – Санкт-Петербург : Институт правоведения и предпринимательства, 2015. – 252 с.
13. Жалсараев А.Д. Даурская духовная миссия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/171434.html>
14. Жалсараев А.Д. Забайкальская духовная миссия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/182391.html>
15. Жалсараев А.Д. Православная церковь в Бурятии // Исторический вестник, 2001 – N 1 (12). – С. 80-114.
16. Заболоцкий Ерофей // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., С. 1890-1907.
17. Зыкин А.В., Арефьев М.А. К вопросу о культуротворческой роли Русской

- православной церкви (на примере деятельности Алтайской Духовной миссии) // Философская мысль. – 2023. – № 2. – С. 50-63.
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39771
18. Зыкин А.В., Арефьев М.А. Северный буддизм в культуре Восточно-Сибирского региона России (к истории Иркутской Духовной Миссии РПЦ). // Философия и культура. – 2023. – № 5. – С. 134-145.
19. История Российской духовной миссии в Китае. Сб. ст. – М., 1997. – С. 14-164.
20. Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 555 с.
21. Козина О.М. Говоры старообрядцев – семейских Бурятии: генезис, диалектный тип: специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дисс. канд. филол. наук / Козина Ольга Михайловна. – Самара, 2004. – 19 с.
22. Лебедева А.А. Анкета как этнографический источник // Сов. этнография. 1967. № 1. – С. 99-103.
23. Максимов С. Сибирь и каторга. Ч. I. СПб., 1871. – 459 с.
24. Маслова Г.С. Русская народная одежда Забайкалья (XIX-XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. 2. – 221 с.
25. Мелетий (Якимов), архим. Древние церк. грамоты Восточно-Сибирского края (1653-1726) и сведения о Даурской миссии. Каз., 1875. – С. 126-127. : [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
https://archive.org/details/libgen_00325354/page/n159/mode/2up
26. Митыпов В.М. Государственно-церковная политика в России/СССР в отношении буддийской конфессии // Мир Большого Алтая. – 2018. – Т. 4. № 2. – С. 253-264. – DOI 10.31551/2410-2725-2018-4-2-253-264.
27. Михайлов К. Общинный быт у крестьян Забайкальской области Восточной Сибири. Кн. XII. М.: Русская мысль, 1885. – 24 с.
28. Наумова О.Е. Иркутская епархия: XVIII-1-я пол. XIX в. Иркутск, 1996. – 205 с.
29. Осокин Г.М. На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Юго-Зап. Забайкалья. – Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 1906. – 304 с.
30. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. СПб., 1788. – 448 с.
31. Покровский Н.Н. К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ, наук, 1975. № 6. Вып. 2. – С. 109-112.
32. Посольский монастырь в новом его состоянии // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. № 46, 18 ноября 1872 года. – С. 594-600.
33. Православие в Забайкалье: История и современность. Чита, 2004. – С. 29-74.
34. Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://www.pravenc.ru/text/115104.html>
35. Ровинский П.А Этнографические исследования в Забайкальской области // Изв. ВСО РГО. Т. III. № 3. – С. 120-133.
36. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. изд. Гос. Иркутского Ун-та. – Иркутск : Паровая тип. об-ва потребителей «Сибирское Книжное Дело», 1920. – 81 с.
37. Семейские // Историческая энциклопедия Сибири. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibhistory.edu54.ru/СЕМЕЙСКИЕ>
38. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание Свято-

- Троицкого Селенгинского мужского монастыря Забайкальской области. – М., 1895. – 39 с.
39. Тугаринова С.А. Ламаизм и бурятский шаманизм в современности / С.А. Тугаринова // Лучшая исследовательская статья 2021 : сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 01 ноября 2021 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2021. – С. 472-477.
40. Церковь-общество-власть: религиозные процессы и практики в современной Бурятии / Д.Д. Амоголонова, М.М. Содномпилова, С.Д. Батомункуев [и др.]. – Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2016. – 232 с.
41. Шмулевич М.М. Землепользование русских крестьян Западного Забайкалья в I половине XIX в. // Исследования и материалы по истории Бурятии [Тр. Ин-та обществ. наук БФ СО АН СССР]. Улан-Удэ, 1968. – С. 126-139.
42. Шмулевич М.М. К вопросу о движении русского крестьянства в Западном Забайкалье в I половине XIX в. // Этнограф. сб. Вып. 4 [Тр. БКНИИ СО АН СССР]. Улан-Удэ, 1965. – С. 129-141.
43. Юмсумова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М., 2005 – 288 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философская мысль» автор представил свою статью «Православное старообрядчество в синтезе культур Забайкальского региона (к истории Духовных миссий Забайкалья)», в которой проведено исследование межконфессионального взаимодействия и миссионерской деятельности на территории Восточной Сибири. Данное исследование является важным вкладом в изучение культуротворческой деятельности духовных миссий Забайкалья. Оно направлено на изучение роли духовных миссий в культурной жизни этого региона, а также на вопрос о том, как они способствовали сохранению и распространению православной веры и традиционных русских ценностей. Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что социокультурные и политico-психологические характеристики региональной власти, место того или иного региона в системе российского государства, особенности этнокультурного характера и этноконфессиональная специфика, определяются теми особенностями, что складывались в процессе их исторического формирования. Миссионерская деятельность в Центральной и Восточной Сибири, как отмечает автор, была обусловлена как многочисленностью местного нехристианского населения, так и активной деятельностью старообрядческих сообществ в этом регионе. Эта деятельность вызывала недовольство государственных и церковных властей, которые стремились «искоренить развратников святой веры Христовой» и распространять православие среди коренных народов.

Методической базой исследования является комплексный подход, включающий описательный, исторический и социокультурный анализ. Теоретической основой выступают труды таких ученых как Болонев Ф.Ф., Зыкин А.В., Тугаринова С.А., Шмулевич М.М. и др. Эмпирическим материалом послужили архивные и этнографические сведения, а также отчеты о деятельности Даурской и Забайкальской духовных миссий.

Цель исследования заключается в изучении истории взаимоотношений Русской православной церкви и старообрядческих верований народов Восточной Сибири и состояния межконфессиональных, социокультурных и социально-экономических

отношений в изучаемом регионе.

Актуальность исследования обусловлена тем, что региональные исследования, включая и исследования региональной материальной культуры и духовной жизни, играют важную роль в изучении истории и культуры сибирских регионов. Они предоставляют возможность лучшего понимания особенностей местной духовной культуры, включая религиозные традиции, нравы и обычаи народов, а также их особенности взаимодействия с другими культурами и религиями, что способствует пониманию и снижению недоверия и конфликтов между различными общинами и социальными группами. Изучение этнической и культурной истории Восточной Сибири может стать одним из критически важных шагов для сохранения и защиты культурного наследия и межкультурного взаимодействия.

Однако в исследовании отсутствует библиографический анализ, в котором автор должен представить степень научной обоснованности изучаемой проблематики. Отсутствие данных материалов затрудняет вынесение предположения о научной новизне исследования.

Автором представлен исторический анализ становления российской государственности на территории Восточной Сибири с рубежа XVII века. Как отмечает автор, интеграция территорий Сибири осуществлялась в достаточно сжатые сроки благодаря правильно выстроенной политике и активно формируемым многочисленным хозяйственными и культурными взаимоотношениям между сибирскими этносами, и перемещающимся на восточные территории русскими. По мнению автора, межкультурное взаимодействие в Восточной Сибири продолжается по сей день. Регион является многоэтнической и многоконфессиональной территорией, на которой проживают представители разных народов и культурных традиций.

Автор также акцентирует внимание на ведущей роли православной церкви в духовном развитии региона и межкультурных взаимодействиях указанного периода, так как Российская империя того времени проводила политику веротерпимости и не вмешивалась во внутренние духовные аспекты жизни коренного населения. Как отмечено автором, влияние духовной миссии РПЦ ощущается и по сей день, когда на территории Забайкалья продолжают проживать люди разных национальностей и вероисповеданий. Собственно, этнические и конфессиональные различия стали одной из составляющих имиджа региона с точки зрения многогранности культурного наследия, что делает регион привлекательным не только для туристов, но и для культурных и социальных исследований.

Особое внимание автор уделяет изучению социокультурных особенностей старообрядческой общины «семейских», приживающихся на территории Забайкалья с конца XVII века. Как подчеркивает автор, духовно-социальное влияние семейских старообрядцев на межкультурное взаимодействие и межкультурную коммуникацию в Забайкалье является по-прежнему важным фактором в формировании поликультурной, билингвальной среды в этом регионе России и вызывает интерес со стороны исследователей и научного сообщества.

В завершении статьи автором представлен вывод, обобщающий результаты проведенного им исследования.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение межкультурных и межконфессиональных отношений различных этнических групп одного государства

представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 43 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Англоязычные метаданные

The experimental method of G. Galileo in the context of the formation of the concept of the subject in the philosophy of the Modern Times

Samarin Andrei Sergeevich

Senior lecturer, Department of philosophy, Institute of Humanities, Siberian Federal University

82a Slobodny ave., office 428, Krasnoyarsk Territory, 660041, Russia

✉ synthsas@gmail.com

Abstract. Understanding the subject is of constant interest in modern philosophy. Turning to the subject allows deepening the understanding of the nature of its activity, as well as the creative and transformative relationship of a person to the world. The emergence of the concept of the subject occurs in the Modern era and is associated with the development of the scientific method. Along with resolving the questions facing the epistemology of the Modern era, the subject-object relation arises as a specific way of solving the problem of intensive development of natural philosophy and mathematical disciplines. The research shows the interrelation between the method of intellectual experiment in the concept of G. Galileo and the development of understanding the subject in the Modern era, as well as its change in modern philosophy (20th-21st centuries). By examining the characteristic features and specific examples of the application of the method of intellectual experiment in the research, the degree of influence of G. Galileo on the development of science and philosophy of the Modern era is demonstrated.

By using a comparative and analytical method, the interrelation of G. Galileo's intellectual experiment, understanding the subject in philosophy, and the ways of carrying out scientific activities is demonstrated. The content of the concept of the "subject" is expanded through the use of the phenomenological method, allowing to specify the boundaries of the subject's activity and the relationship between the subject and the object in the Modern era and in modern philosophy. The novelty of the research lies in the formulation of the question of the interrelation between G. Galileo's intellectual experiment and the methods of modern experimental sciences. The understanding of the subject as one of the basic categories of philosophy is clarified through the analysis of the ways of working with the subject-object relationship proposed in the philosophy of the Modern era. In particular, Galileo's way of dealing with the subject-object relationship implies taking into account the gap between the subject and the object as a special space, filling which through intellectual experiment, the researcher creates a model of experience relevant to the object of study and available for joint use with other researchers subsequently. The creation by G. Galileo of a model of experience in the process of intellectual experiment is reasoned as one of the basic methods of obtaining new knowledge in natural science disciplines in modern science.

Keywords: philosophy of subject, modern science, natural philosophy, model of experience, Galileo, subject-object relation, object, subject, understanding of the subject, thought experiment

References (transliterated)

1. Lebedev S.A. Sovremennaya nauka kak mnogomernaya kognitivno-sotsial'naya

- struktura // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2023. №2. S. 92-107.
2. Rozin V.M. Ot printsipa ob"ektivnosti nauchnogo znanija k rekonstruktsii raznykh situatsii proizvodstva znanii // Idei i idealy. 2022. T. 14. №3-1. S. 75-92.
 3. Serebryakova S.S. Galileo Galilei: istina skvoz' linzy teleskopa (k 450-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo i 405-letiyu nachala ery teleskopicheskoi astronomii) // Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. №3 (56). S. 132-140.
 4. Drozdova D.N. Myslennyi eksperiment more geometrico // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2016. T. 49. №3. S. 43-47.
 5. Gromyko N.G. Proryvnoe znanie: myslitel'nyi eksperiment Galileo Galileya protiv vlasti inkvizitsii // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Iстoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2010. №1 (44). S. 109-122.
 6. Piccolino M., Wade NJ. Galileo Galilei's vision of the senses. Trends in neurosciences. 2008. Vol. 31. No. 11. Pp. 585-590.
 7. Galilei, Galileo. Dialog o dvukh glavneishikh sistemakh mira / G. Galilei; [per. s ital. A.I. Dolgova; vstop. st. d.kh.n. I.S. Dmitrieva; primech. A.I. Dolgova, Yu.G. Perelya, I.B. Pogrebysskogo]. – M.: RIPOL klassik, 2018. – 918 s.: il.: tabl. – (PHILO-SOPHIA).
 8. Gorokhov V.G. Ballistika Nikkolo Tartal'i, tekhnika Galileya i nanotekhnika: aristotelevskaya fizika skvoz' veka // Filosofiya nauki i tekhniki. 2015. T. 20. №1. S. 7-35.
 9. Stromholm P. I. Galileo and the Scientific Revolution. Inquiry. An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 1975. Vol. 18. Issue 3. Pp. 345-353.
 10. Rozin V.M. Utochnenie ponyatiya «ob"ekt» v diskurse sovremennoogo nauchnogo poznaniya // Filosofiya nauki i tekhniki. 2022. T. 27. №1. S. 99-110.
 11. Kuz'min A.A. Evolyutsiya nauchnoi mysli XVII veka // Fundamental'nye osnovy mekhaniki. 2022. №10. S. 6-13.
 12. Chernyakov A.A. Deistvitel'noe i mnimoe v otnosheniakh tochnykh i netochnykh nauk: stanovlenie fiziki XVII v. pod vliyaniem antichnoi filosofii // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya. 2020. №1 (7). S. 42-28.
 13. Gavrilina T.L. Binarizm kak dominanta klassicheskoi paradigmratsional'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. №12-3 (26). S. 49-53.
 14. Makh. E. Mekhanika. Istoriko-kriticheskii ocherk ee razvitiya. Izhevsk: RKhD, 2000. 456 c.
 15. Rozin V.M. Kak mozhno pomyslit' issledovaniya v filosofii i fizike // Idei i idealy. 2020. T. 12. №1-1. S. 139-153.
 16. Gaidenko P.P. Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskii razum. M.: Progress-Traditsiya, 2003. 528 s

Is it possible to overcome the paradoxes of the modern conceptualization of the Universe?

Rozin Vadim Markovich

Doctor of Philosophy

Chief Scientific Associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
109240, Russia, Mskovskaya oblast', g. Moscow, ul. Gonchamaya, 12 str.1, kab. 310

✉ rozinvm@gmail.com

Abstract. The article comprehends the natural science approach to the interpretation of the Universe. At the same time, the author relies on the material of studies of the Universe and galaxies conducted by the Russian philosopher Vadim Kazyutinsky, who shows that natural science studies of the Universe are paradoxical and more like a humanitarian discourse. Hannah Arendt's assessment of these studies is no less paradoxical, she argues that the natural science approach has led to the fact that the universe is inaccessible in practice and even unthinkable. In turn, the author argues that cosmology should be classified as a scientific discipline of the humanities type, which does not exclude the presence of various physical and other natural sciences in it. The object of cosmology (similar to the objects of biology, cultural studies, and sociology) cannot be described in one scientific discipline, it is multilevel, and at each level there are different patterns that must be described by different cosmological theories. Implementing this methodology, the author proposes a scheme of three successive terrestrial Universes – "cosmic" (physical), "vital" (biological) and "social". Within the framework of the latter, a person appeared and a culture developed. Each subsequent terrestrial universe included the previous one as its component or substrate. Another understanding of the Universe is proposed, based on the following provisions: a person must re-establish himself in his understanding of the Universe, recognize its presence (conditionality) in his actions; agree that the development of the social universe has acquired a catastrophic character; begin to think through the established sociality in order to understand what needs to be changed. According to the author, the universe resembles a matryoshka doll, including the cosmic, physical, biological, social and noospheric Universes (the latter is just beginning to take shape). At the same time, there are two multidirectional processes in the social universe: one works for man and culture, the other process, due to the diverse orientation that takes place in all Universes, in fact, acts against man and culture. Two important features of the noospheric Universe will have to be the attitude towards salvation and real changes aimed at realizing this attitude.

Keywords: approach, the science, mythology, understanding, comprehension, conceptualization, nature, reality, Universe, methodology

References (transliterated)

1. *Ado P. Filosofiya kak sposob zhit'*: Besedy s Zhanni Karlie i Arnol'dom I. Devidsonom. – M., SPb., Izd. «Stepnoi Veter», ID «Kolo», 2005. 288 s.
2. Arendt Kh. Mezhdu proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli / per. s angl. i nem. D. Aronsona. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014. 416 s.
3. Aristotel'. Metafizika. M.-L.: Sotsekgiz, 1934. 348 s.
4. Bibikhin V.V. Iz rasskazov A.F. Loseva // Sibirskaia pravoslavnaya gazeta. 2005. N 1. <http://www.ihtus.ru/012005/c1.shtml>
5. Kazyutinskii V.M. Traditsii i revolyutsiya v sovremennoi astronomii. (Doktorskaya dissertatsiya). IF RAN. – M., 1999. 58 s.
6. Kazyutinskii V.M. Net, kosmologiya – nauka fizicheskaya, a ne gumanitarnaya! Otvet V.M. Rozinu // Epistemologiya & Filosofiya nauki. T. XII, N 2. 2007.

7. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma // Kant I. Sochineniya v 4-kh t. na nemetskom i russkom yazykakh. T. 3. M.: Moskovskii filosofskii fond, 1997. 784 s.
8. Remchukov K. / Personal'no vash // 06.04.20. <https://salda.ws/video.php?id=g9MuZCGHTzU>
9. Rittser Dzh. Sovremennye sotsiologicheskie teorii. 5-e izd. SPb.: Piter, 2002. 688 s.
10. Rozin V.M. Nauka: proiskhozhdenie, razvitiye, tipologiya, novaya kontseptualizatsiya : uchebnoe posobie / V. M. Rozin ; Rossiiskaya akad. obrazovaniya, Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi in-t.-Moskva : Izd-vo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo in-ta ; Voronezh : Izd-vo NPO "MODEK", 2008. 596 s.
11. Rozin V.M. Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovaniu / V. M. Rozin; Rossiiskaya akad. nauk, In-t filosofii. M.: URSS, 2011. 255 s.
12. Rozin V.M. Osobennosti diskursa i obraztsy issledovaniya v gumanitarnoi nauke. URSS. 2018. 208 s.
13. Rozin V.M. Kosmobiosotsial'naya real'nost': Zavershenie moderna i stanovlenie f'yuchekul'tury. Etyudy-issledovaniya. (Osmyslenie pandemii i drugikh negativnykh posledstvii tekhnogennoi tsivilizatsii) URSS. 2022. 200 s.
14. Rozin V.M. K probleme demarkatsii estestvennykh i gumanitarnykh nauk, a takzhe kuda my dolzhny otnesti kosmologiyu? // Epistemologiya & Filosofiya nauki. T. XI, N 1. 2007. S. 111-128.
15. Rozin V.M. Priroda i genezis tekhniki. Myu: De' Libri, 2024. 390 s.
16. Salman.R. Budushchee menedzhmenta. – M., SPb.: Piter, 2004. 304 s.
17. Sozdanie sovetskoi atomnoi bomby
https://ru.wikipedia.org/wiki/Sozdanie_sovetskoi_atomnoi_bomby
18. Stepin V.S. Nauka // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 3. M.: IFRAN, Mysl', 2001. S. 23-28.
19. Teilor E. Pervobytnaya kul'tura. M.: Sotsekgiz, 1939. 602 c.
20. Fesenkova L.V., Pankratov A.V. Noosfernoe myshlenie i sovremennaya filosofiya prirody // Filosofiya prirody segodnya. – M.: Kanon+, 2009. – C. 157-174.
21. Timofeev-Resovskii N. Vospominaniya. M.: Progress, Pangeya, 1995. 455 s.
22. Khesle V. Filosofiya tekhniki M.Khaideggera // Filosofiya Martina Khaideggera i sovremennost'. M.: IFRAN, Nauka, 1991. S. 138-154.

On the question of the existence of abstractions

Kuzmin Vladimir

PhD in Philosophy

Researcher

214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, Konenkov str., 2/12, sq. 21

✉ kvg-17@mail.ru

Abstract. The given abstraction is investigated. The existence of its relational states (extensional or intensional reality) is revealed. Some types of abstraction are analyzed, in particular, the abstraction of identification, isolating, etc. It is shown that the first is given intensionally, and the second is extensional. It is concluded that abstraction and idealization are two sides of the same process. The interval methodology and the phenomenological approach (as interpreted by A. Meinong) are used. It is noted that for each "size" of the

abstraction interval – and there are only three of them: "situation", "co-existence" (a set of subject-related situations) and "universe" - there are different types of abstractions. In particular, the abstraction of constructivization is given in a situation, and the isolating one is given in co-existence. It is concluded that the question of the existence of abstractions in itself is incorrect. The existence of objects (concrete or abstract) is just one of the many modes of being objects. Abstract objects are characterized by a weaker mode than those that actually exist. Existence, as one of the states of reality, is eliminated by itself in the modus interpretation. It is more appropriate to talk about the existence of any objects in a situation (in co-existence, in the universe) with some kind of mode for the "I" and/or for the Other (Others). Thus, abstract objects exist in the given just like any other, including those that actually exist.

Keywords: there and then, here and now, intensional datum, extensional datum, actual property, abstraction of infinity, concept, observation, experiment, abstraction interval

References (transliterated)

1. Rozen G. Abstraknye ob"ekty // Stenfordskaya filosofskaya entsiklopediya / Pod red. D. B. Volkova, V. V. Vasil'eva, M. O. Kedrovoi. http://philosophy.ru/abstract_objects/.
2. Katrechko S. L. Transtsendental'nyi analiz matematiki: konstruktivnyi kharakter matematicheskoi deyatel'nosti // Kantovskii sbornik. 2016. №1(55). S. 16-33. doi: 10.5922/0207-6918-2016-1-2.
3. Uaitkhed A. N. Nauka i sovremennoi mir // Uaitkhed A.N. Izbrannye raboty po filosofii / Obshch. red. i vstup. stat'ya M. A. Kisselya. M.: Progress, 1990. S. 56-272.
4. Novoselov M. M. Logika abstraktsii (metodologicheskii analiz). Chast' 1; M.: IFRAN, 2000.
5. Tselishchev V. V. Ontologiya matematiki: ob"ekty i struktury; Novosibirsk: Nonparel', 2003.
6. Bazhanov V. A. Abstragirovanie i abstraktsii v optike neironauki // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2021. T. 58. № 2. S. 6-18. doi: <https://doi.org/10.5840/eps202158222>.
7. Lazarev F. V. O prirode nauchnykh abstraktsii; M.: Znanie, 1971.
8. Lazarev F. V. Abstragirovanie i smysloobrazovanie: konstruktivnye osnovaniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2017. Tom 3(69). №1. S. 23-34.
9. Vitgenshtein L. Golubaya kniga; M.: Dom intellektual'noi knigi, 1999.
10. Gusserl' E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaya / Per. s nem. A. V. Mikhailova. M.: Akademicheskii proekt, 2009.
11. Vilesov Yu. F. Ontologicheskie i gnoseologicheskie osnovaniya abstraktsii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psichologiya. Pedagogika. 2012. Vyp. №3. S. 22-25.
12. Lazarev F. V. Interval'naya metodologiya: logiki stanovleniya, bazovye kontsepty i metody // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2016. T. 2 (68). №3. S. 135-148.
13. Rodin A. V. Ob uslovnosti istiny i lokal'nosti blaga // Blago i istina: Klassicheskie i neklassicheskie regulativy. M.: IFRAN, 1998. S. 48-70.
14. Khaidegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni; Tomsk: Vodolei, 1998.
15. Lakoff Dzh. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii; M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.

16. Maturana U. Biologiya poznaniya // Yazyk i intellekt. M.: Progress, 1996. S. 95-142.
17. Komarov S. V., Lumpova M. A. Neklassicheskii sub'ekt videniya. Chast' I // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiologiya. 2021. Vyp. 2. S. 179-190. doi: 10.17072/2078-7898/2021-2-179-190
18. Rodin A. V. Ideya vnutrennei geometrii // Matematika i opty. M.: Izdatel'stvo MGU, 2003. S. 502-531.
19. Gorskii D. P. Voprosy abstraktsii i obrazovanie ponyatii; M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961.
20. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie; M.: Progress-Traditsiya, 2003.

Creativity as an implementation of the idea of the integrity of the world

Gribkov Andrei ArMOVICH

Doctor of Technical Science

Leading researcher, Scientific and Production Complex "Technological Center"

124498, Russia, Moscow, Zelenograd, Shokin Square, 1, building 7

✉ andarmo@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the areas of realization of creative activity, justification of the possibility of creativity as a process of creation of qualitatively new values, mechanisms of creativity, the main of which is intuition. One of the key questions, the answer to which determines the possibility of explaining creativity, is the choice of deterministic or irrational representation of the world. The author makes a reasoned choice in favor of a deterministic view of the world, within the framework of which intuition, and thus creativity, receive an adequate explanation. The research methodology in this article is based on the idea of creativity as a process manifested in the form of intuition, through which the mind reaches areas of world understanding inaccessible to reason based on reproductive thinking. As a result of the research conducted by the author, the key role of intuition in creativity has been established. Intuition, in its turn, is a consequence of isomorphism of forms and laws in different subject areas, at different levels of the universe. A generalization of the use of isomorphism in practice takes the form of the principle of similarity or analogy. The ability of human being to intuition is the result of his multisystem integration into many systems: physical and biological world, social and cultural environment, system of professional knowledge and relations, etc. The representation of the integrity of the world is an imperative of creativity. On the other hand, creativity is an indispensable tool for creating a holistic representation of the world. By virtue of its defining internal mechanisms, everything valuable that creativity gives birth to becomes a part of the holistic world. It can be stated that in the process of creativity the representation of its integrity is implanted (reproduced and used as a tool).

Keywords: implementation, integrity, patterns, multisystem integration, similarity, isomorphism, irrationalism, determinism, intuition, creativity

References (transliterated)

1. Pedagogicheskii slovar': ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii / pod red. V.I. Zagvyazinskogo, A.F. Zakirovoi. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2008. 352 s.

2. Rapatsevich E.S. Slovar'-spravochnik po nauchno-tehnicheskому tvorchestvu. Mn.: OOO «Entonim», 1995. 384 s.
3. Melik-Pashaev A.A. Opyt «ozareniya» v zhizni detei i vzroslykh // Smysloobrazovanie i ego konteksty: zhizn', struktura, kul'tura, opyt, 2022, №1. S. 32-38.
4. Gribkov A.A. Ischislyaemost' material'nogo bytiya: diskretnost', kontinual'nost' ili nedelimost' // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura, 2023, №9. S. 14-19.
5. Gribkov A.A. Patterny i primitivy empiriko-metafizicheskoi obshchei teorii sistem // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura, 2023, №5. S. 15-22.
6. Gribkov A.A. Opredelenie vtorichnykh zakonov i svoistv ob"ektov v obshchei teorii sistem. Chast' 1. Metodologicheskii podkhod na osnove klassifikatsii ob"ektov // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke, 2023, tom 12, №5-6A. S. 17-30.
7. Gribkov A.A. Opredelenie vtorichnykh zakonov i svoistv ob"ektov v obshchei teorii sistem. Chast' 2. Metodologicheskii podkhod na osnove klassifikatsii patternov // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke, 2023, tom 12, №9A. S. 5-15.
8. Khachatryan A.A. Intuitsiya kak fenomen poznaniya // Uchenye zapiski KGAVM im. N.E. Baumana, 2016, №3. S. 86-90.
9. Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: «Mysl'», 1976-1983.
10. Lokk Dzh. Sochineniya v trekh tomakh. M.: «Mysl'», 1985.
11. Rayleigh. The Principle of Similitude // Nature (1915), No. 2368, Vol. 95, p. 66-67.
12. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Obshchaya teoriya sistem i kreativnyi iskusstvennyi intellekt // Filosofiya i kul'tura, 2023, №11. S. 32-44.
13. Shakhno N.V. Kontseptualizatsiya ponyatiya khudozhestvennogo tvorchestva // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik, 2013, №2. S. 224-228.
14. Mulyukin O.P. "Pravil'nye ograniceniya" stimuliruyut tvorcheskoe myshlenie avtora proizvedenii i privlekat k nim vnimanie chitatelei // Sovremennoe obshchestvo i vlast', 2018, № 2(16). C. 40-42.
15. Genri Laion Oldi (Dmitrii Gromov i Oleg Ladyzhenskii). Chto takoe fantastika? Fantasticeskoe dopushchenie / Mir fantastiki, 21.01.2016. URL: <https://www.mirf.ru/book/cto-takoe-fantasticeskoe-dopuschenie/>
16. Strugatskii B.N. Chto takoe fantastika? / Den' svershenii. L.: Sovetskii pisatel', 1988.
17. Myakinnikov S.P. Sravnitel'nyi analiz ponyatii "tseloe" i "edinoe": sovremennye interpretatsii // Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov, 2019, №4. C. 107-117.
18. Bertalanfi L. fon. Obshchaya teoriya sistem – kriticheskii obzor / Issledovaniya po obshchei teorii sistem. Sbornik perevodov. Obshchaya redaktsiya i vstupitel'naya stat'ya V. I. Sadovskogo i E. G. Yudina. M.: «Progress», 1969. S. 23-82.
19. Solonin Yu.N. Uchenie o tselostnosti v perspektive novoi metodologicheskoi paradigm // Filosofskie nauki, 2013, №10. S. 7-22.

Orthodox Old Believers in the synthesis of cultures of the Trans-Baikal region (on the history of Spiritual Missions of Transbaikalia)

Zykin Alexey

PhD in Philology

Associate Professor, Head of the Foreign Languages Department, The State Institute of Economics, Finance, Law, and Technology

196601, Russia, Saint Petersburg, Pushkin, ul. Srednaya 6/1-28

✉ zykinalex@mail.ru

Aref'ev Mikhail Anatol'evich

Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, St. Petersburg State
Agrarian University

196605, Russia, Saint Petersburg, Peterburgskoe highway, 2

✉ ant-daga@mail.ru

Davydenko Antonina Gileevna

Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, St. Petersburg State
Agrarian University

196605, Russia, Saint Petersburg, Peterburgskoe highway, 2

✉ ant-daga@mail.ru

Abstract. This work is aimed at studying the role of spiritual missions in the cultural life of Transbaikalia on the example of the Daurian Spiritual Mission, which was created by the Russian Orthodox Church with the aim of spreading Orthodoxy and Russian culture among the indigenous population of the Daurian land and neighboring regions of Eastern Siberia.

It is noted that in general, the Daurian Spiritual Mission has become the most important tool of the ROC in spreading the Orthodox faith of the XVII-XVIII centuries in Siberia. It made it possible to introduce many peoples of Eastern Siberia to Christianity, preserving a tolerant approach and the uniqueness of local cultural traditions, which contributed to the development of both trade and industry in this region. During the intensive development of the economy of this part of the Russian state, the Daurian Spiritual Mission played its role as a spiritual and economic connector.

Separately, the interaction of the mission with Northern Buddhism (Lamaism) and the desire to attract Buddhists to Christianity is noted. However, due to concerns about the negative impact on international relations with China, this line of work was not continued.

In addition to pagan and Buddhist influence on the ethnoculture of Eastern Siberia, the influence of Old Believers is noted. The Trans-Baikal Old Believers are an important spiritual experience of Russian Orthodox culture in Eastern Siberia and have a long history.

The Semey Old Believers are considered separately as a kind of Old Believers in Transbaikalia, who were settled in this territory in the XVIII century, which is caused by an incomplete understanding of their life and everyday life.

It is indicated that the mixing of cultural elements, including mixed marriages, has led to the formation of a unique culture and way of life of the Semeyskys, who continue to preserve their individuality and persist in the modern world.

Keywords: social reality, buddhism, Daurian Spiritual Mission, family, Old Believers, culture, spiritual mission, christianity, cultural life, orthodox faith

References (transliterated)

1. Bazarov A.A. Bakhtina O.N., Dutchak E.E. (Ulan-Ude, Tomsk). Rol' svyashchennoi knigi v traditsionnykh kul'turakh Sibiri («sotsial'naya arkheografiya»). – Problemy sibirskoi mental'nosti / Pod obshch. red. A.O. Boronoeva. – SPb.: Asterion, 2004. – S. 147-165.
2. Batueva I.B. K istorii razvitiya lamaizma na vostochnykh okrainakh Rossiiskoi imperii v XVII-nachale XX veka / I.B. Batueva // Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. – 2019. – № 1(35). – S. 108-112.

3. Belyaev A.P. Vospominaniya o perezhitom i perechuvstvovannom // Russkaya starina. 1881. T. XXX. – S. 819-820.
4. Bolonev F.F. Semeiskaya zhivaya starina za Baikalom. Ocherki istorii, kul'tury, byta i mezhetnicheskoe vzaimodeistvie : sb. nauch. st. – Ulan-Ude, 2015. – S. 125-137.
5. Bolonev F.F. Staroobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII-XX vv. M., 2004 – 350 s.
6. Bolonev F.F., Vykhristyuk O.I. Pevtsy i pesni Bol'shogo Kunaleya. Novosibirsk, 2002. – 207 s.
7. Boronoev A.O. Sibirskej mentalitet: soderzhanie i aktual'nost' issledovaniya / Problemy sibirskoi mental'nosti / Pod obshch. red. A.O. Boronoeva. – SPb.: Asterion, 2004. – S. 26-34.
8. Veniamin (Blagonravov), arkhep. Pis'ma iz Posol'skogo mon-rya // Svet Khristov prosveshchaet vsekh!: Sb. Novosib., 2000. – S. 292-348.
9. GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. f. 50, op. 1, d. 718, № 2, 784.
10. Gedenshtrom M. Otryvki o Sibiri. SPb., 1830. – S. 60-62.
11. Girchenko V. Iz istorii pereseleniya v Pribaikal'e staroobryadtsev – semeiskikh. Verkhneudinsk, 1922. – 20 s.
12. Davydenkova A.G. Staroobryadchestvo v kul'ture Rossii. Filosofskie i sotsial'no-pravovye aspekty / A.G. Davydenkova, V.G. Baev, T.I. Kozlova. – Sankt-Peterburg : Institut pravovedeniya i predprinimatel'stva, 2015. – 252 s.
13. Zhalsaraev A.D. Daurskaya dukhovnaya missiya. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.pravenc.ru/text/171434.html>
14. Zhalsaraev A.D. Zabaikal'skaya dukhovnaya missiya. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.pravenc.ru/text/182391.html>
15. Zhalsaraev A.D. Pravoslavnaya tserkov' v Buryatii // Istoricheskii vestnik, 2001 – N 1 (12). – S. 80-114.
16. Zabolotskii Erofei // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t. (82 t. i 4 dop.). – SPb., S. 1890-1907.
17. Zykin A.V., Aref'ev M.A. K voprosu o kul'turotvorcheskoi roli Russkoi pravoslavnoi tserkvi (na primere deyatel'nosti Altaiskoi Dukhovnoi missii) // Filosofskaya mysl'. – 2023. – № 2. – S. 50-63. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39771
18. Zykin A.V., Aref'ev M.A. Severnyi buddizm v kul'ture Vostochno-Sibirskogo regiona Rossii (k istorii Irkutskoi Dukhovnoi Missii RPTs). // Filosofiya i kul'tura. – 2023. – № 5. – S. 134-145.
19. Istorya Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae. Sb. st. – M., 1997. – S. 14-164.
20. Kozhurin K.Ya. Povsednevnaya zhizn' staroobryadtsev. – M.: Molodaya gvardiya, 2014. – 555 s.
21. Kozina O.M. Govory staroobryadtsev – semeiskikh Buryatii: genezis, dialektnyi tip: spetsial'nost' 10.02.01 «Russkii yazyk» : avtoref. diss. kand. filol. nauk / Kozina Ol'ga Mikhailovna. – Samara, 2004. – 19 s.
22. Lebedeva A.A. Anketa kak etnograficheskii istochnik // Sov. etnografiya. 1967. № 1. – S. 99-103.
23. Maksimov S. Sibir' i katorga. Ch. I. SPb., 1871. – 459 s.
24. Maslova G.S. Russkaya narodnaya odezhda Zabaikal'ya (XIX-XX vv.) // Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri. Novosibirsk, 1975. Ch. 2. – 221 s.
25. Meletii (Yakimov), arkhim. Drevnie tserk. gramoty Vostochno-Sibirskogo kraja (1653-1726) i svedeniya o Daurskoi missii. Kaz., 1875. – S. 126-127. : [Elektronnyi resurs]. –

- Rezhim dostupa: https://archive.org/details/libgen_00325354/page/n159/mode/2up
26. Mityarov V.M. Gosudarstvenno-tserkovnaya politika v Rossii/SSSR v otnoshenii buddiiskoi konfessii // Mir Bol'shogo Altaya. – 2018. – T. 4. № 2. – S. 253-264. – DOI 10.31551/2410-2725-2018-4-2-253-264.
 27. Mikhailov K. Obshchinnyyi byt u krest'yan Zabaikal'skoi oblasti Vostochnoi Sibiri. Kn. XII. M.: Russkaya mysl', 1885. – 24 s.
 28. Naumova O.E. Irkutskaya eparkhiya: XVIII-1-ya pol. XIX v. Irkutsk, 1996. – 205 s.
 29. Osokin G.M. Na granitse Mongolii: Ocherki i materialy k etnografii Yugo-Zap. Zabaikal'ya. – Sankt-Peterburg: Tip. A.S. Suvorina, 1906. – 304 s.
 30. Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva. Ch. 3. SPb., 1788. – 448 s.
 31. Pokrovskii N.N. K istorii poyavleniya v Sibiri zabaikal'skikh «semeiskikh» i altaiskikh «polyakov» // Izv. Sib. otd. AN SSSR. Ser. obshchestv. nauk, 1975. № 6. Vyp. 2. – S. 109-112.
 32. Posol'skii monastyr' v novom ego sostoyanii // Pribavleniya k Irkutskim eparkhial'nym vedomostyam. № 46, 18 noyabrya 1872 goda. – S. 594-600.
 33. Pravoslavie v Zabaikal'e: Iстория и современность. Chita, 2004. – S. 29-74.
 34. Pravoslavnaya entsiklopediya. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.pravenc.ru/text/115104.html>
 35. Rovinskii P.A Etnograficheskie issledovaniya v Zabaikal'skoi oblasti // Izv. VSO RGO. T. III. № 3. – C. 120-133.
 36. Selishchev A.M. Zabaikal'skie staroobryadtsy. Semeiskie. izd. Gos. Irkutskogo Un-ta. – Irkutsk : Parovaya tip. ob-va potrebitelei «Sibirskoe Knizhnoe Delo», 1920. – 81 s.
 37. Semeiskie // Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://sibhistory.edu54.ru/SEMEISKIE>
 38. Tokmakov I.F. Istoriko-statisticheskoe i arkheologicheskoe opisanie Svyato-Troitskogo Selenginskogo muzhskogo monastyrya Zabaikal'skoi oblasti. – M., 1895. – 39 s.
 39. Tugarinova S.A. Lamaizm i buryatskii shamanizm v sovremenности / S.A. Tugarinova // Luchshaya issledovatel'skaya stat'ya 2021 : sbornik statei II Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Petrozavodsk, 01 noyabrya 2021 goda. – Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya I.I.), 2021. – S. 472-477.
 40. Tserkov'-obshchestvo-vlast': religioznye protsessy i praktiki v sovremennoi Buryatii / D.D. Amogolonova, M.M. Sodnompilova, S.D. Batomunkuev [i dr.]. – Ulan-Ude : Buryatskii nauchnyi tsentr Sibirskogo otdeleniya RAN, 2016. – 232 s.
 41. Shmulevich M.M. Zemlepol'zovanie russkikh krest'yan Zapadnogo Zabaikal'ya v I polovine XIX v. // Issledovaniya i materialy po istorii Buryatii [Tr. In-ta obshchestv. nauk BF SO AN SSSR]. Ulan-Ude, 1968. – S. 126-139.
 42. Shmulevich M.M. K voprosu o dvizhenii russkogo krest'yanstva v Zapadnom Zabaikal'e v I polovine XIX v. // Etnograf. sb. Vyp. 4 [Tr. BKNII SO AN SSSR]. Ulan-Ude, 1965. – S. 129-141.
 43. Yumsumova T.B. Yazyk semeiskikh – staroobryadtsev Zabaikal'ya. M., 2005 – 288 s.